

ПИСЬМА Н. Н. СТРАХОВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

I

«Петербург» 14 Сент. 1863.

В четверг, 12-го числа является из деревни Майков.¹ «Ну что, рассказывайте, что тут у Вас было в Петербурге?» — Ничего не было, отвечал я; Петербург молчит и не двигается, как будто его совсем нет на свете. Сушая правда! Федор Михайлович. А в Среду на этой же неделе я встретился с Лавровым.² «А! Здравствуйте!» — радостно воскликнул он и сжал мою руку своими пухлыми белыми руками. «Пока меня тут не было, Вы сделали тут страшным публицистом, взволновали всю Россию, наделали шуму в Европе. . .» — Скажите лучше, отвечал я, меня сделали страшным публицистом: В «Русском Вестнике» меня сделали даже пророком. Вы читали? — „Русский Вестник!“ Не читал, никогда не читаю, не могу я читать ни „Р. Вестника“, ни „Московск. Ведомостей“. . . и т. д.

В самом деле все ужасно глухо в настоящую минуту. Ап. Григорьев,³ попавшись в дурацкое положение при Стелловском, половину времени пьет и ко мне не ходит. Впрочем мы великие друзья. Не давно, только что сблевавши он нежно обнимал и целовал меня, и хотя я подставлял ему щеку, добирался до моих губ.

Серов⁴ блаженствует. Он пишет «Рогнеду», должно быть отличную вещь; там будет изумительный трепак; жаль только, что маэстро кроме Юдифи и Рогнеды ни о чем говорить не способен. Ф. Берг⁵ затеял издать «Полное собрание» Гейне. Первый том скоро будет готов. Я участвую в переводах, преимущественно по части философии. Но я хотел сказать не то, да лучше помолчу до личного свидания. Покровская вышла замуж за Алексеева и уехала за границу. Может быть для вас это и не важная новость, а здесь многих удивила и для многих была неожиданна. Полонский⁶ получил место цензора и переселился к Харламову мосту. С ним поселился Бибиков.⁷ У Бибикова великолепная мебель — я сегодня видел; сам Полонский пасует и завидует.

II

18 Сент. «Петербург, 1863 г.»

И так Вы увидите Рим и Неаполь. Что я Вам душевно завидую, в этом Вы не можете сомневаться. Тем более завидую, что когда Вы вернетесь назад, Вы мне поставите на вид, что я не видал всего того, что Вы видели. Шутки в сторону — желаю Вам только бодрости и свежести для созерцания этих красот. У нас осень начинается хорошо; до сих пор тепло. Это не помешало мне прийти в такое пакостное расположение духа, какое только можно представить. Мне все мерещится: что было, то не будет вновь! Вот я уже успел поссориться с людьми, сближение с которыми было для меня очень радостно. Скверное существо человек! Еще сегодня мне показалось, что самыми мудрыми правилами в жизни будут: ни в чем никому не о б я з ы в а т ь с я; н и ч е г о н и к о м у н е д о в е р я т ь; одним словом быть постоянно вооруженным и готовым к борьбе. Потому что — обижись — тебя упрекнут; доверься — употребят во зло. Но что же это за гнусное положение! Быть всегда на стороже! Вы недоумеваете о чем я говорю? Да я изливаю Вам мое скверное настроение духа. Я с нетерпением жду Вашего приезда. Есть один предмет, о котором мы с Вами никогда откровенно не говорили. Может быть когда приедете — откровенность какнибудь удастся.

Что я делаю теперь? Согрешил — написал статейку против Каткова «По поводу статьи „Рус. <ского> В. <естника>“». Моя статья называется «Нечто о Р. В.» и без подписи помещена в Библ. <потеке> для Чт. <ения>. Теперь пишу две статьи; одна «Толки Р. Вестника о 1861 году»; другая — о новом рассказе ¹ Щедрина за подписью Косицы. Только дурно пишется. Куда их помещу — не знаю. Желалось бы мне нечто предоставить Андрею Александровичу.²

Для «Времени» или того, что будет на его место, я задумал статью «О народных началах в нашей изящной литературе»; а мысль ее я беру прямо у Ап. Григорьева, и поставился бы только развить ее и подкрепить примерами до очевидности.

Вам кланяется Евгения Карловна.³ Она теперь мила как нельзя больше. Тиблен работает по прежнему; почему-то он почти прекратил свои литературные связи и никогда ничего не знает. Чернышевский и Писарев по прежнему в крепости.⁴ Писарев напечатал в последнем № Рус. <ского> Слова очень милую статью «Наша университетская наука», где рассказывает свою студентскую историю.

Ссылных студентов⁵ до сих пор не возвращают; университет открыт, но в нем нет ни одного из профессоров, обнаруживших сочувствие студентам. Зачем все это — бог один знает. Вероятно Вы читали (Revue de deux Mondes 1 Août) ссылку на мою статью, которая приписана Вам. Статейка Masad'a⁶ дурно написана, но в ней есть доля правды. Я слышал от приезжих из-за границы, что моя статья служила для тамошних русских* патриотов орудием против увлечения польским делом, что на нее указывали как на истинно-патриотический взгляд... Это странное известие меня очень порадовало. Нашлись же понимающие люди!

«Роковой вопрос» для меня все еще новость, все еще полон интереса. Это верно даже буквально: у меня теперь нет денег, я кругом в долгах — и все это вследствие «роковой» статьи.

До свидания Федор Михайлович! Если Вы мне напишете, я буду очень рад и тому,** что хоть не был в Неаполе, а получил оттуда письмо. Veder Napoli <et> e Daroi morire! Будьте здоровы! Я не читал ни одного Вашего письма к Михаилу Михайловичу, да и из расспросов*** почти ничего не знаю об Вас. Да хранит Вас небо!

Ваш Н. Стр а х о в.

III

«Петербург 29 сентября 1863 г.»

Дело было таким образом, Федор Михайлович!

Письмо Ваше я получил часу во втором и тотчас же отправился к Боборыкину. Надо Вам заметить, что у нас вот уже две или три недели стоит прекраснейшая осенняя погода, так что я был рад погулять. Боборыкин говорит, что он очень рад случаю, что дело самое подходящее и что он может. Совершенно довольный возвращаюсь домой. На другой день заходит ко мне Михайло Михайлович. Я ему ничего не говорил по той причине, что у Вас ничего об этом не сказано. Вы было написали: с п р о с и т е . . . , да потом густо зачеркнули это с п р о с и т е ; поэтому я и не спрашивал. И вот я закутался перед Михайло Михайловичем в совершенную таинственность. «Вы получили от брата письмо?» спрашивает он. — Получил, отвечаю я. «Он вам дает поручение?» — Дает, говорю я. «Вы еще ни у кого не были?»

— Нет был, отвечаю я, и мне уже обещано. «Погодите, однако же, я сам может быть найду денег». — Не могу ждать, ибо в письме сказано торопиться. «Я найду завтра». — Хорошо, ищите. Вечером отправляюсь к Боборыкину и объявляю ему, что нужно торопиться, что кто скорее найдет, тому и достанется повесть.

Была Федор Михайлович для меня**** некоторая светлая минута удовольствия, когда я таким образом натравил двух редакторов на-перегонку гнаться за Вашей повестью.

Теперь дело кончено. Михайло Михайлович отказался. Завтра или после завтра будут к Вам отправлены деньги Боборыкина.

* Над строкой.

** И тому — над строкой.

*** И из расспросов — над строкой.

**** Для меня — над строкой.



Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

С фот. 1872 г. Из архива А. Г. Достоевской. Институт литературы АН СССР

Не удивляйтесь Федор Михайлович, что говорю об этом с некоторым злорадством. Бывают для меня весьма несносные минуты. Есть, например, вещи, о которых я не могу равнодушно слушать; а между тем, при этом случае мне довелось их услышать. Михайло Михайлович любит говорить на тему: нам дорого стоит издавать журнал! Темы этой я страх не люблю и когда он начнет хоть так: Да, прошли нынче времена, когда редакторы строили себе дома и пр., то мне делается ужасно жутко.

О журнале¹ до сих пор ничего еще не решено. Я уже выбрал тему для первой статьи: о народных началах в нашей изящной литературе, но до сих пор и не думаю приниматься. Между тем, если бы Михайло Михайлович хоть раз повидался с Валуевым, то конечно все бы мы знали определенно свое положение и могли бы спокойно располагать занятиями. Теперь я завален корректурами 3-го тома Куно Фишера.²

На письмо Ваше я очень жалею — Вы ничего не пишете о своем здоровье, а это — сведение весьма любопытное.

Жду Вас с нетерпением. Юлия Петровна кланяется Вам также усердно, как Вы ей. Ап. Григорьев недавно залил. Долгомостьев пьянствует непрерывно и щеки у него совсем в рот втянулись. Полонский выздоровел. Разин³ благоденствует. Павел Николаич⁴ уехал в Финляндию. Читали Вы в R. de deux Mondes об «роковом вопросе»? Статья приписана Вам.

День⁵ меня защищает и ставит в число своих. Не шутя — очень лестно! Тороплюсь и этим кончаю. Будьте здоровы!

Ваш Н. Стр а х о в.

1863 г.

29 Сентября.

IV

«Петербург, середина марта 1868 г.»

Поздравляю¹ Вас, Федор Михайлович и Вас, Анна Григорьевна, с Сонею!

Простите, Федор Михайлович, что до сих пор не собрался написать к Вам. Зима эта была для меня так тяжела, как еще никогда никакая зима не бывала. Осенью я простудился, [зат] дела² в журнале шли хуже и хуже, а тут смерть принялась косить моих знакомых и приятелей. Умерли — Долгомостьев и Эдельсон,³ люди, которые в последние годы с небольшими перерывами заседали у меня сплошь* по три раза в неделю, по Вторникам, Четвергам и Субботам от 6 до 9. Кроме того здесь умерли Валентин Семенович Костров, Василий Николаевич Карпов,⁴ за границею Николай Николаевич Филиппов, Артур Иванович Бени.⁵ Может быть я и забыл еще кого-нибудь, только известия о смерти и зов на похороны просто не давали мне опомниться. Долгомостьев умер страшно; он сошел с ума у меня на квартире и я был свидетелем зрелища почти невыносимого.

И так не было у меня духа писать к Вам, и ничего веселого я не мог бы Вам сообщить. Я и теперь не весьма далек от уныния; пусто мне и холодно.

Что касается до литературных дел, то всего лучше я сообщу Вам письмо, которое я только-что написал Каткову. Вот оно от слова до слова:

«Пишу к Вам, высокопочитаемый Михаил Никифорович, с тем, чтобы просить места в Вашем журнале для своей статьи.

«Краевский выдернул из под моих рук Отец. Записки в то самое время, когда я только-что расписался и у меня образовались большие планы относительно литературной критики и статей философского содержания. Я не сделал впрочем ни малейшего усилия, чтобы удержать его от этого шага, в сущности недобросовестного и постыдного. Краевский признает и исповедует один принцип — священный право собственности; его полное равнодушие к делу, вследствие этого скаредное и неумелое ведение дела, и в то же время упорное нежелание отдать журнал вполне в мои руки, — измучили меня в продолжение года, и я был рад развязке, давшей вещам более естественный порядок.

«Впрочем не мало тут виноват и тот по истине дрянной литературный кружок, который я застал в От. Зап. (для Вас, Ф. М., поясню: Крестовский,⁶ Стебницкий,⁷ Зарин,⁸ Щеглов, Загуляев), и некоторые из тех, которых я привел с собою (для Вас,

* Над строкой.

Ф. М.: Аверкьев,⁹ Долгомостьев, Чупров, Погребов, Полонский). Винават и я сам отсутствием энергии и слабою производительностью; но я очень старался и могу еще привести в свое извинение то, что мое здоровье несколько пошатнулось и что личные мои обстоятельства еще никогда не давили меня так тяжело, как в этот год.

«Как бы то ни было, журнал с 4-мя или 5-ю тысячами подписчиков, могший иметь доброе направление, обратился в кафедру свистунов и нигилистов.¹⁰

«Впрочем Краевский как собственник сохраняет над ним верховный надзор, т. е. оставил за собой право не допускать в журнале ничего, что угрожало бы его существованию.

«Что касается до меня, то я остался на мели со своими планами, с некоторыми сотрудниками и даже с готовыми их статьями.

«Прошу Вас покорно, если найдете удобным это со своей стороны, дать мне некоторый выход из этого положения.

«1. Примите от меня статью¹¹ о Войне и Мире гр. Толстого. Роман этот представляет воплощение лучших преданий нашего художества; он ведет свой род от Капитанской Дочки и отвечает на те требования реализма, которые так сильно участвовали в развитии нашей литературы после Пушкина.

«Но так как у нас предания не сохраняются, и масса читающих и пишущих не помнят и не видят связи настоящих явлений с прошлыми, то я хотел бы составить свой разбор из двух частей:

«Статья первая. Наша критика. Характеристика Белинского. Его теория прогресса в литературе, теория до сих пор господствующая в наших школах (гимназиях). Характеристика Ап. Григорьева. Его органическая критика и взгляд на литературу с этой точки зрения».

«Так как, Михаил Никифорович, у нас действительно есть два взгляда и никаких других нет, то мне кажется полезным сопоставить их в сжатом очерке, выяснить один посредством другого, и показать необходимость держаться более ясного и глубокого, т. е. Григорьевского.

«Вторая статья состояла бы в приложении этих общих начал к Войне и Миру, как к частному случаю, т. е. в указании всех нитей, связывающих это произведение с предшествовавшими явлениями литературы.

«Задача хорошая, и я твердо уверен, что именно такую задачу следовало бы выполнить в настоящем случае; но как я ее выполню — другой вопрос. Я сделал некоторые приготовления, напр. штудировал Григорьева, и обещаю работать усердно, если Вы дадите мне разрешение, иначе же мне негде печатать.

«2. Вторая моя просьба — об одном из сотрудников. Некто Незеленов,¹² молодой человек, кончающий курс в университете, написал большую статью — Пушкин и его поэзия. Статья требует обработки, которой мы ее и подвергнем общими силами, — но отличается столь большими достоинствами, таким тонким и глубоким пониманием, что вполне заслуживает такого почетного места, как Ваш журнал.

«Вот и все мои желания и просьбы. Само собой разумеется, я не имею претензии получить от Вас согласие напечатать статьи, которых Вы еще не знаете, но трудно работать не имея хотя некоторой надежды на помещение труда. Что же касается до разбора Толстого, то я готов думать, что это дело принадлежит мне по праву, и своим предложением хотел бы предупредить появление второй статьи г. Щебальского,¹³ которая, если будет походить на первую, никак не составит действительного разбора романа (Петр Карлович, как видно, и не ставит себе такой задачи).

«Вот Вам, Михаил Никифорович, некоторого рода отчет о моей деятельности. Для меня было бы очень дорого, если бы в Вашем мнении Вы не отказали этой слабой деятельности в свойствах искренности и серьезности. А затем — Ваш суд и Ваша власть.

«С глубочайшим уважением, и пр.»

Теперь скажу Вам, Федор Михайлович, то, что Вы может быть и без меня знаете, именно, что Вы — молодец. Так работать, как Вы работаете, победить все обстоятельства и завоевать публику, — ведь это просто богатырские дела. Ваш Идиот интересуется меня лично чуть ли не больше всего, что Вы писали. Какая прекрасная мысль! Мудрость

открытая младенческой душе и недоступная для мудрых и разумных, — так я понял Вашу задачу. Напрасно вы боитесь вялости; мне кажется с Преступления и Наказания Ваша манера окончательно установилась и в этом отношении я не нашел в первой части Идиота никакого недостатка.

Пожалейте меня, Федор Михайлович. Меня теперь никто не читает. Даже для приятелей, Майкова, Полонского, Аверкиева и пр. мои статьи как будто не существуют. Полонский все изучает Писарева, а Аверкиев, которому мои статьи всегда попадают в руки, положительно не удостоивает их прочтения; если же перелистывая мельком запомнит какое нибудь место, считает долгом горячо восставать против него. Между тем, злодей! каждую свою вещь он мне читает по двадцати раз, начиная от первого зародыша до полной формы.

С грустью вспоминаю я о веселых редакционных временах, и как хорошо я понимаю теперь Ап. Григорьева, который всю жизнь тосковал о времени молодой редакции Москвитянина. Весь этот год мне было очень тяжело. Я считаю неудачными свои статьи ¹⁴ о Вас и о Дыме ¹⁴ Тургенева. Но все таки они не глупы. Но за тем, напрягая свой голос вопиющегоо в пустыне, я написал Бедность ¹⁴ нашей литературы, статью, которою весьма доволен. В конце концов все таки оказывается, что в 1866 и 1867 годах лучшие философские и критические статьи принадлежат мне.

Знаете ли, к чему я веду эту хвастливую речь? Для меня необыкновенно дорога честь и значение нашего литературного кружка. Я до сих пор полагаю, что это главная струя нашей литературы. Посмотрите. О Тургеневе лучшие вещи писаны у нас, ¹⁵ и он у нас печатался. ¹⁶ Островский теперь сбрендил, ¹⁷ но связан с Ап. Григорьевым неразрывно и в лучшей поре своей деятельности. Некрасов изменник ¹⁸ литературы и о нем говорить нечего. Теперь очень высоко стал Л. Толстой; но ведь мудрые Современники его пропустили. Я просматривал недавно курс истории Р. Словесности, Петрова. В нем подробно трактуется о Григоровиче, Добролюбове и пр., а Л. Толстой едва упоминается и смешан с А. Толстым. Причина — об нем не было ни одной статьи в Современнике.

Это наши связи, наше положение. За тем — наши предания — Ап. Григорьев, восстановление памяти которого последует неминуемо, если в России суждено уметь, а не глупеть. Кроме того — то направление, которое Вами было дано Времени и Эпохе; наша борьба с Современником. Ведь не пропадет же это все. Напр. Щедрин теперь стремится блистать; но мне смешно, когда подумаю, что ведь ему подписан ненарушимый приговор, подписан Вами ¹⁹ и отчасти мною, — а он только недогадывается.

Затем наличные силы: Вы идете блистательно, Аверкиев развивается, я еще не пропал. Признаюсь я не без радости видел даже успех беспутного В. Крестовского или истинно даровитого Стебницкого. Часто в эти два года мне приходилось с радостью замечать: все наши! все наши на первом плане! Даже Н. И. Соловьев ²⁰ совершил блистательную карьеру с Вашего благословения.

Ну прощайте, Федор Михайлович! Так дорого достается мне писанье, что простите за этот недоковченный листок.

Ваш покорнейший

Н. Стр а х о в.

P. S. Новые журналы ²¹ — положительно оплошали. А то ли еще будет в половине года. Они как эмигранты — ничего не забыли и ничему не выучились; а время-то не даром идет. В сущности, как они не усиливайся, ни воротить им никогда 1860 года.

V

1868. «Петербург». 24 Ноября.

И так, многоуважаемый Федор Михайлович, начинается новый журнал, Заря.¹ Это непременно нужно было начать, а то, как выражается один из моих новых и юных

знакомых, Незеленов, написавший большую и прекрасную статью о Пушкине — совсем было прекратилась литература. А знаете ли с которых пор он считает прекращение литературы? Со времени прекращения Эпохи. А знаете ли кто г. Каширев, наш редактор? Познакомившись с ним ближе, я увидел, что он воспитанник Времени и Эпохи, что он воспитался на них, как другие русские люди на Современнике, Русском Слове и пр. И так есть плоды и нашей деятельности; они редки; но действительные плоды, а не пустоцвет.

Затеянное дело идет с успехом, превосходящим наши ожидания. К нам примкнула лучшая, преимущественно молодая часть университета; затем статьи и сотрудники притекают со всех сторон. Самое трудное — организовать чисто-журнальную, текущую часть журнала; думаю об этом каждый день — и очень плохие питаю надежды. Но уверен в одном — если журнал держать только чистым, и тогда он будет иметь успех, будет обилён статьями.

Что до моих работ, о которых Вы так благосклонно отзываетесь в письме к А. Н. Майкову, то на себя я надеюсь меньше всего. Увы! Федор Михайлович, охота писать почти пропала; пишу статью о Л. Н. Толстом через силу, и в месяц приготовил печатный лист. . . Нет, вы на меня не надейтесь.

Новый журнал уже имеет историю. Уже было несколько скандалов в печати* и ссор в портфеле самой редакции. Расписывать все это было бы слишком долго; общий смысл — неопытность редактора, впрочем человека осторожного и твердого — к моему великому утешению; затем — безмерное самолюбие и своекорыстие одного сотрудника и жена-нигилистка другого (А. Н. Серова). А еще общее — отсутствие усердия к общему делу, — явление очень простое, хоть и печальное.

Скажу кой-что об остальной литературе. «Отеч. Зап.» под Некрасовым — плохи до нельзя. Целый год нечего было читать. Щедрин стал писать такие вещи, что ничего понять нельзя, в роде «старой замыкаемости» и «новой поглощаемости». Критики ужасные, повести невозможные для чтения (кроме переводных). Всего лучше идет «Вестник Европы» благодаря обилию дельных статей по русской истории, русскому быту и пр. Кой-что мы от него оттянем. В нашем объявлении я глубоко сожалел об отсутствии двух имен — Вашего и Гильфердинга.² Он тоже был за границею в самое горячее время составления** журнала. Без Вашего разрешения я не мог поставить Вашего имени; все собирался писать к Вам и догнал до того, что уже некогда было дожидаться. Но мы непременно воспользуемся Вашим дозволением (в письме к Майкову) и выставим при следующем объявлении в газетах.

Самое капитальное произведение, намеченное для журнала, — это ряд статей Ник. Яковл. Данилевского,³ которого Вы вероятно помните по истории 47—48 годов и по ссылке в Вятку. Он теперь действ. с. советник и в первый раз выступает на поприще литературы с рядом статей Россия и*** Европа. Это — целое учение, славянофильство в более определенных и ясных чертах. Всего листов 40 печатных.

В эти дни мы все слушаем роман Писемского: Люди сороковых годов, главную нашу вещь по беллетристике. Написано со всеми достоинствами и недостатками Писемского. Как целое слабо по идее и по выполнению, но по частям прекрасно и занимательно.

Катков ничего мне не отвечал, на мои предложения; потом я еще послал ему статью за подписью Косицы — не напечатал. Я впрочем не имею никаких претензий на него. Я слишком его уважаю, да и вообще признаю за каждым право быть хозяином в своем журнале. При том чувствую, что в «Русском Вестнике» был бы не на месте. Аверкиев поживает благополучно; нынче он театральный рецензент «Голоса».

Затеяется еще у нас «Иллюстрация»,⁴ которая будет великолепна по типографскому исполнению и которой я буду редактором (если утвердят). Вообще дела гибель —

* «В печати» над строкой.

** Над строкой.

*** «Россия и» над строкой.

гораздо больше, чем сил. Пока прощайте. Мое душевное почтение Аниэ Григорьевне, и искреннее желание Вам всего лучшего.

Ваш

1868 г.
25 ноября,
СПб.

Н. Стр а х о в.

Р. З. Простите за беспорядок и неполноту письма; если бы повидаться — то-то бы я рассказал Вам!

VI

1869. 29 Янв. <Петербург>

Кончивши статью для второй книжки, я обстригся, сходил в баню и к Вам первому принимаюсь писать, многоуважаемый Федор Михайлович. Хлопот действительно много, но, нужно правду сказать, в них много приятного. Дело идет на лад, хотя не мало было помех и дурных влияний. Первая книжка отзывается еще неурядицей: она мала, дурно напечатана, на дурной бумаге и в дурной обертке; виновата в этом неопытность редактора и нерасчетливая гоньба за дешевизной. Вторую книжку выпустим толще и лучше.

Я, как Вы увидите, расходился и пишу так много, что сам себе удивляюсь. Спасибо Вам, Федор Михайлович, за то, что Вы меня ободрили, это не мало мне помогло. А тут еще другое — полная свобода; во второй статье я смело пустился хвалить Ап. Григорьева. Видите, как мы сходимся в мыслях! поставил его выше Белинского¹ — чего, конечно, ни в одном журнале нельзя было сделать, кроме З а р и. Кстати: вспоминая мое вступление на литературное поприще, я всегда чувствую глубокую благодарность к Вам: как хорошо было писать при таком нежном внимании, тонком и сочувственном понимании! Вы меня избаловали и с тех пор я все досажую на отсутствие сочувственной атмосферы, хотя казалось бы пора человеку и на своих ногах стоять и обходиться наконец без ласки и поощрения. Открою Вам, что нынче я опять встретил это поощрение: первая статья о Толстом привела в восторг некоторых новых моих знакомых: Градовского,² Данилевского (старые — увы! — кроме Вас, очень умеренны в оценке меня). Похвалы этих умных людей очень о б о д р я ю т меня: вот отчего я дорожу ими, хотя никому не говорю об них, к Вам пишу не для хвастовства.

31 Янв.

Начал писать Вам с радостным духом и с самохвальством, а сегодня готов только ругаться и плакаться. Типография медленно работает и задерживает выход книжки. И все оттого, что выбрана подешевле и не умеют держать в руках. Капширев — чудесный человек, но такой хомяк, так привык к дворянской лени и бездеятельности, в добавок так холоден и спокоен, что выводит меня из себя. А в сущности человек не ленивый и не скупой. Не стану Вам всего рассказывать, но Вы легко поймете, что было и есть* не мало и других дурных элементов, с которыми нужно было и есть бороться. В этих волнениях и заботах теперь вся моя жизнь. Надеюсь, что к концу года я успею совершенно устроить журнал. Теперь уже б о л ь ш е д в у х т ы с я ч ь подписчиков; я вполне надеюсь, что к концу года доберем третью тысячу. Я очень горжусь тем, что соорудил такое здание, и вместе ужасно боюсь за него и болею очень от его недостатков.

Напишите Вы нам[,] что-нибудь — покорно просим и Капширев, и Данилевский (он тот самый фюрерист, которого Вы помните; из** его статьи вы знаете только две вступительные главы, а всего их около дв а д ц а т и), и Градовский, и я. Нужно ли Вам говорить, что в З а р е Вам также развязаны руки, как в о В р е м е н и? Это ведь не Русский Вестник. Нужно ли Вам напоминать, что Вы сами знаете, что может быть интересно и полезно для журнала?

* «я есть» над строкой.

** Над строкой.

Московские славянофилы благосклонны к Заре. Аксаков³ сделал экстраординарные визиты — мне и Градовскому, привез обещание от Кохановской⁴ — дать новое ее произведение, прислал некоего Рачинского⁵ со статьей и пр. Разумеется тут надо многого беречься; но я недаром десять лет работаю в журналах; кажется я научился тактике. Полемики мы пока не думаем вести. За нас ее будут вести нигилисты. Антонович⁶ (уже появилась статья в «Космосе») и Жуковский⁶ (говорят печатает книгу) намерены растерзать Некрасова — в добрый час!

Островский — падает; после плохих драм в стихах стал писать комедии — тоже плохие и падающие на сцене. За то наш друг Аверкиев — подымается. Его к о м е д и я Ф р о л е С к а б е е в е имела огромный успех и в самом деле очень не дурна. Вы должны были получить «Бедность»⁷ и 1-ую книжку Зари. Напишите о них все, что думаете. А я обещаю Вам написать об «Идиоте»,⁸ которого читаю с жадностью и величайшим вниманием.

Адрес мой: Вас. Остр. Загибенин переулок, д. ЦЭ (или Цея).

Следующую статью думаю писать о Тургеневе (его новая повесть⁹ должна явиться в Р. В.). Я нашел некоторые новые точки зрения на «Дым» и вообще на последнюю полосу его писания. В противоположность Вам он хнычет и унывает, но нужно из него вытянуть все хорошее, что он дает. «Дым» имеет большой успех — в один год два издания — не мудрено, тут в ы с ш и й свет. Кстати О б р ы в¹⁰ Гончарова есть истинное безобразие. Эти лица из какого-то большого света — чистая выдумка, на ногах не стоят, а публику очень интересуют. В первый раз я [нынче] видел Писемского¹¹ (когда он читал свой роман). Что за говядина! Какой здоровенный, и в то же время низменный талант! Всего интереснее он, — когда говорит об искусстве, об изящном, о любви. Он пренаивно уверен, что он все это понимает, или как он говорит, понимает.

1 Февр.

Вчера я был у Базунова¹² и убедился, что первая книжка произвела дурное впечатление, это ужасно скверно; придется долго поправляться. Но все-таки совершенно верно, что у нас д в е т ы с я ч и подписчиков.

Прощайте, Федор Михайлович. Вы ничего не пишете о себе лично. Что Ваше здоровье? Я поражен какою-то хронической болезнью, от которой однако же понемногу оправляюсь. А с год назад было ужасно скверно.

Анне Григорьевне мое усердное почтение.

1869 г.
С. П. б.

Ваш душевно преданный
Н. Стр а х о в.

VII

1869 г. СПб. 8 Марта.

Тороплюсь отвечать Вам, многоуважаемый Федор Михайлович, и напишу не много, только важнейшее. Вот ответ Кашпирева: в настоящую минуту он ничего сделать не может; в Апреле нужно уплатить 2000 Писемскому, по условию; но в Мае будут деньги и тогда я тотчас напишу Вам. При этом Кашпирев просит Вас, если Вы не измените Вашего намерения, рассрочить уплату; всей 1000 он вероятно не будет в состоянии Вам выслать. Что касается до 200 р., которые Вы должны Майкову, то я тотчас же увидел, что Вы напрасно беспокоитесь; в последние годы или два я очень сблизился с Майковым и нашел в нем такого прекраснейшего человека, что душевно полюбил и уважаю его. Дивлюсь почему я так поздно оценил его; его необыкновенная скромность — причину, что мало кто знает всю доброту, мягкость и чистоту этого человека. Что касается до Вас, то я не раз был свидетелем, как он читал Вам панегирики, и ни на одну минуту не мог подумать, что он на Вас рассердился. Впрочем Вы это всего лучше увидите из его письма.

Благодарю Вас и за похвалы и за поучения. И те и другие проникнуты большим участием к делу, и теми и другими мы воспользуемся. Вторую книжку Вы вскоре получите; я виноват, я поторопился о т д е л ь н о послать первую книжку, и забыл распорядиться о второй. А критика моя — не имела успеха — подумайте об этом, когда прочтете вторую

статью. Ее не понимают, в чем я совершенно убедился, не понимают люди даже очень смысленные. Градовский, Данилевский в таком восторге, что я и не ожидал; другие же — не находят ничего любопытного и я убедился, что для массы я пропал и никогда не буду иметь успеха.

Простите, Федор Михайлович, что ничего хорошего, или по крайней мере особенно хорошего не могу сообщить Вам. Я не знаю дел Кашпирева, но по всему, что вижу, не могу сомневаться в его средствах. К несчастью, с самого начала его принялись грабить; за Писемского заплачено слишком дорого и слишком з а р а з; за Лесковым пропадает 1500 р. и пр. и пр. Да как было сделать? Может быть всего выгоднее было бы печатать сперва Цыган,¹ потом обратиться к Вам и обойтись вовсе без Писемского; но теперь уже дела не поправить.

Из Вашего письма очень приятно мне было узнать, что здоровье Ваше не так дурно, как здесь ходили слухи. Я был тут болен какой-то чертовщиной года полтора, хотя все время был на ногах; но теперь поправляюсь и с большою ясностью ощущаю, что з д о р о в ь е первое благо в мире.

До следующего письма. Низкий поклон Анне Григорьевне. Напишите, как Вы располагаете делать. Я же буду справляться у Кашпирева и тотчас дам Вам знать, если обстоятельства станут благоприятнее.

Ваш душевно преданный

Н. Ст р а х о в.

VIII

«Петербург, 27 Марта 1869 г.»

Сейчас отвез Марье Григорьевне¹ 125 рублей; остальные 175 будут отправлены к Вам в половине Апреля, о чем я буду иметь наблюдение.

Что сказать Вам еще хорошего? Заря очень обильна материалами, так что придется тесниться в каждой книжке. Но сам я не успел ничего написать для 3-й и 4-й книжки — я был и болен и растревожен беспорядками в издании. Не браните меня — я право делаю что могу. Благодарю Вас за ободрение и утешение; собственно я в себе не сомневаюсь, но сил у меня совсем нет. Если бы написать все статьи, которые мне приходят в голову, да написать живо, бойко — то можно было бы (так мне кажется) перекричать* всю петербургскую литературу. Но вместо живых и бойких статей у меня выходят одни скромные наброски.

Будет, однако, об этом. Когда определите заглавие Вашей повести, то напишите — мы заранее объявим об этой радости.

П р а в о с л а в и е у Данилевского будет,² хотя, я подозреваю, у Вас оно должно представляться в ином виде, как у художника. Данилевский не касается прямо содержания, а только указывает историческое значение нашего исповедания.

Жду с нетерпением его приезда — говорят он завтра будет здесь. Затем он проживет тут все лето, на Вас. Острове, близ меня, и я надеюсь многое почерпнуть в его беседах.

Пятый том Толстого³ — чудо чудное; Вы впрочем найдете мой отзыв в Заре № 3. Вашего И д и о т а до сих пор жду конца. Не знаю — что Вы читаете? О б р ы в есть самое неистовое сочинение,⁴ которое потому и нравится, что люди в нем деланные. До чего мы дожили! После всех стремлений литературы к правде и натуре, вдруг всех пленяет совершенно в ы д у м а н н о е с о ч и н е н и е!

Что скажете о Фроле?⁵

Опять у нас студенческие беспорядки.⁶ Но какая разница! Очень не многие им сочувствуют, и у самих студентов поднялась только м а л а я ч а с т ь, очевидно остаток прежнего брожения. А все-таки очень худо, и вредно действует.

Тороплюсь кончить, Федор Михайлович, и спешу усердно пожелать Вам всего лучшего. Анне Григорьевне мой низкий поклон.

1869 г.
27 Марта
С. П. б.

Ваш

Н. Ст р а х о в.

* В слове «перекричать», «кричать» над строкой; в строке эта же часть слова зачеркнута.

IX

⟨Петербург 12 апреля 1869 г.⟩

Никак невозможно, Федор Михайлович, послать Вам сейчас же деньги; но 15-го, а уже никак не позже 16 они будут высланы. Ваше письмо пришло вчера, т. е. 11-го ночью* и, следовательно, только за три дня до той минуты, когда, надеюсь, Вам будут высланы деньги.

Тороплюсь и пишу к Вам только для того, чтобы Вы знали вполне определенно положение дел.

«Войну и Мир» я постараюсь выслать Вам в Дрезден. Но «Окраины»¹ изданы в П р а г е и Вам удобнее будет достать их за границую, чем нам преодолевать цензурные и иные затруднения.

Прошу извинить за краткость и спешность этого письма; напишу подробнее при посылке денег.

1869
12 Апр.
С.п.б.

Ваш
Н. Стр а х о в.

Р. С. Заря № 4 сдается в цензуру в понедельник, 14-го.

X

⟨Петербург 8 августа 1869 г.⟩

Извините, многоуважаемый Федор Михайлович, что так долго не отвечал Вам. Виноват кругом перед Вами! Тут случилась поездка в Москву, переезд на новую квартиру и т. д., что, вместе с журнальными хлопотами, не дало мне дохнуть, хотя и не выбило из памяти моей обязанности к Вам. Я справлялся в Почтамте на счет запаздывания денег, и не мог ничего добиться; деньги были посланы п о п о ч т е, о б ы к н о в е н н ы м и е д и н с т в е н н ы м с п о с о б о м. Но говорят, все посылки и деньги, идущие через Австрию, всегда сильно задерживаются.

Прошу Вас, хоть маленькою запискою ответить мне, потому что я посылаю в Дрезден на удачу: Вы еще ни разу не писали никому оттуда.

Мой новый адрес: у Круглого Рынка, д. Тура, кв. № 11.

Адрес¹ Владимира Ивановича Веселовского, члена окружного суда: в Москве, на Садовой, у церкви Ермолая, д. Городецкого.

1869 г.
8 Авг.

Вам душевно преданный
Н. Стр а х о в**

XI

⟨Петербург, 1 сентября 1869 г.⟩

Опять я запоздал, многодостоинейший Федор Михайлович. Первым моим делом было устроить Вам посылку книг «Зари»; вторым — послать Вам «Войну и Мир»; а третьим — не письмо к Вам, а, извините! приготовление к поездке в Крым вместе с Данилевским (Н. Я.). Признаюсь так мне захотелось вырваться из Петербурга, переменить воздух; так давно я об этом мечтаю, — что решился кой-чем пожертвовать и несмотря ни на что ехать. Еду дней через шесть, так что в случае надобности, прошу Вас обратиться или к самому Кашпиреву (адрес есть на книжках «Зари») или... вот и не придумаю. Ал. П. Милюков,¹ как и многие другие (кажется впрочем все, а не многие) ведет себя нехорошо. Всего обиднее и больнее мне было встретить недоброежелательство в людях, которые ради общего дела должны бы относиться к «Заре» сочувственно. Милюков заведывает нынче «Сыном Отечества» и поместил там весьма гнуемые отзывы о «Заре». При каждой встрече он не может воздержаться, чтобы не выказать какою нибудь шпилькою своей враждебности ко мне. На меня это действует очень мало, но, если эта враждебность переходит в сферу дела, в котором не один же я заинтересован, то мне это внушает весьма черные мысли о человеческой породе.

* Над строкой.

** Письмо Стрехова приписано на 4-й странице письма А. Майкова от 7 августа.

Очень я глуп, — забыл Аполлона Николаевича, которого неизменная доброта и деликатность гораздо меньше всеми помнится, чем мелочное ехидство Милюкова. Майков находится в постоянных и самых близких сношениях с «Зарей», очень часто бывает у Кашширевых и может для Вас все делать также хорошо, или еще лучше, чем я.

Об Эмилии Федоровне² скажу Вам, что денег у нее нет и живут они бедно очень.

Тетка Ваша едва ли умерла, едва ли тут не напутал Ап. Николаевич. Эм. <илия> Фед. <оровна> знает то же самое, что и Вы знаете. Очень прошу Вас, многопочитаемый Федор Михайлович, не думать, чтобы с моей стороны было хотя малейшее вмешательство в Ваши отношения с ней. Я очень берегусь этого. Дело было так. Марья Григорьевна Сватковская, когда я отдавал ей деньги, сказала мне без всякого вопроса с моей стороны, что часть этих денег назначается для Эм. Фед. Встретившись с Эм. Фед., я передал ей это радостное известие. Встречаюсь в другой раз, и слышу жалобы, что денег не получено ни рубля. Эм. Фед. возымела мысль, что лучше бы было, если бы Вы поручили мне передавать ей деньги. Я с удовольствием предložил свои услуги. Вот и все.

Относительно Вас, могу Вас уверить, что я от Эм. Фед. и чего не слышал, буквально ни единого слова осуждения. Я очень рад, что могу Вам это сказать, и говорю вовсе не потому, что имел бы полное право умолчать, если бы что и слышал. Я слишком хорошо знаю Ваше положение, так что передо мною мудрено бы было Вас осуждать.

Пока прощайте! Душевно желаю, чтобы сбылись самым благополучным образом Ваши ожидания, и вообще — да что Вы никогда не напишете о Вашем здоровье? Анне Григорьевне искреннее поздравление и нижайший поклон.

1869 г.
1 Сент.
С. П. б.

Ваш душевно преданный
Н. Стр а х о в.

XII

СПб. 1870. 14 Февр.

Сегодня, многоуважаемый Федор Михайлович, сдаем вторую книжку в цензуру. Наступает маленькая передышка, и я наконец пишу к Вам, чтобы во первых просить Вас усердно — извинить меня за молчание.

Во вторых хочу сообщить Вам, что все идет недурно. Ваша повесть¹ производит весьма живое впечатление и будет иметь несомненный успех.

По моему это одна из самых обработанных Ваших вещей, — а по теме — одна из интереснейших и глубочайших, какие только Вы писали, я говорю о характере Трусоцкого; большинство едва ли поймет, но читают и будут читать с жадностью.

Журнал стоит хорошо, как Вы вероятно сами видите. Книжки опрятнее, толще и стали наполняться статьями многих, которые, как на смех, пальцем не хотели шевельнуть, чтобы помочь журналу в первый год. За то и подписка живее, тянется до сих пор и будет вероятно еще долго тянуться. Авось 2500 с хвостиком наберем. Второй год — решительный, и теперь можно уже сказать, что журнал стоит прочно.

Я пишу, что могу, и весь погрузился в работу. За Тургенева меня очень хвалили, за Толстого один человек похвалил восторженно, другие помалчивают, — это я говорю о разговорах, а в печати я кроме брани ничего не встречаю.

Для беллетристики есть у нас романы Чаева,² Ахшарумова,³ Варнека и т. п., не первостепенных вещей, кроме Вашего «Вечного мужа», пожалуй и не будет. Кохановская еще ничего не приготовила⁴. — и приходится ждать, не нашьлет ли чего само-собою. Не поможете ли, многоуважаемый Федор Михайлович? Редакция кажется исправна перед Вами, а если и были грехи, то надеюсь в этот год их не будет.

Крым — прелесть, и помог моему здоровью, а все скриплю. Напишите и Вы * как Вы себя чувствуете; поклонитесь от меня усердно Анне Григорьевне.

Ваш душевно преданный
Н. Стр а х о в.

Адрес мой: у Круглого Рынка, д. Тура, кв. № 11.

* Над строкой.

17 Марта 1870
СПб.

XIII

Вчера вышла Мартовская книжка. По всему Вы можете видеть, многоуважаемый Федор Михайлович, что мы очень стараемся, и Вам не будет стыдно и неприятно у нас участвовать.

Предсказание мое сбылось. Ваш «Вечный муж» пользуется великим вниманием и читается нарасхват. Я также пожал некоторые не столь густые лавры за «Женский вопрос»;¹ но один из самых лестных отзывов был для меня Ваш, что вы с о г л а с н ы² с статьею о «Войне и Мире». Хотя я и твердо уверен был в своей мысли, но боялся, что дурно ее выразил и что ошибся в частностях. Какие же это д в е с т р о ч к и,³ в которых Вы нашли ошибку? Напишите, пожалуйста, — я досадовал, что Вы точно загадку мне задали.

И опять — почему Вы нашли в «Заре» недостаток с а м о у в е р е н н о с т и?⁴ Скажите откровенно; я право не такой щекотливый, чтобы не выслушать правду, и от Вас.

Теперь о Вашем будущем романе.⁵ Капширев собирается высылать Вам деньги и вступить с Вами в окончательное соглашение. Но кажется есть два главных препятствия; 1. деньги может быть найдутся и скоро, через неделю, но н а в е р н о е будут только в Апреле.

2. Желательно бы иметь Ваш роман для осенних книжек. Д л я В а с, мне кажется, нет в этом никакого неудобства, никакой неприятности. По крайней мере я не вижу, почему, спустивши шесть-семь месяцев Вы не можете явиться в том же журнале. «Вечный муж» должен считаться м а л е н ь к о ю вещью сравнительно с обыкновенным размером Ваших романов. Если бы Вы на это согласились, то мы этот год на Вас бы и держались, так как от Кохановской, от Льва Толстого и даже от Писемского едва ли чего дождемся в этом году.

Пишу все это Вам для соображения и сегодня же отправлю письмо. Что-нибудь более решительное Вам напишет Капширев, которого я к тому буду уговаривать.

Ч а е в а роман⁶ мы упустили — что Вы о нем скажете? С в е к р о в ь, по моему, чудесная вещь, гораздо лучше П о д с п у д н ы х С и л.

Сердечно кланяюсь Анне Григорьевне. То, что Вы пишете о семейном счастье, я очень хорошо понимаю. Не стыдно ли только Вам так безбожно хвастаться и дразнить меня моим одиночеством? Прости Вам господи!

Ваш

Н. Страхов.

P. S. Милюков говорит Майкову: «какие глупости пишет Страхов! Превозносит Толстого! Я удивляюсь, что нашелся журнал, который печатает подобные вещи».

XIV

1870. 16 Апр. «Петербург»

Благодарю Вас покорно, многоуважаемый Федор Михайлович, за Ваши письма, такие длинные и такие интересные. Я чувствую себя каждый раз, как получаю Ваше письмо, виноватым, что не умею сам отвечать Вам тем же: я не аккуратен и письма мои коротки. Простите великодушно! Я не умею писать письма, оттого и запаздываю.

25 Апрель

Сегодня Капширев показывал мне Ваше последнее письмо. Спасибо Вам за похвалы мне. Я сам — сказать откровенно — доволен своими четырьмя статьями нынешнего года. Но мне показалось, что Вы придаете делу больше важности, чем оно имеет. Увы! Федор Михайлович, — я чувствую, что ничего я не сделаю, что как ни бейся, а влияния сколько-нибудь похожего на влияние у меня никогда не будет. О б щ е й публики нынче как будто вовсе нет — разбились на кружки, на партии, которые друг друга не читают и знать не хотят. И выходит, что как ни старайся, угодишь только тому, кто и без тебя также думал.

Я впрочем не унываю. Уверен, что если до конца года такие будем выпускать книжки, то соберем подписку от 3 до 4 тысяч, и тогда можно будет пописывать, представляя беспутным читателям думать и любить что им угодно.

Вы не думайте, что я считаю себя достойным лучшей участи; у меня есть причины воздерживаться от подобных мыслей.

6 мая. Дела идут очень хорошо. Сотрудники прибывают с каждым месяцем и нет сомнения, что «Заря» будет постоянно завалена статьями. Стоит исправно издавать и журнал пойдет отлично. Самое большое затруднение в беллетристике. Если бы Вы знали, какие глупости пишут наши старые, опытные литераторы, напр. Григорович или Афанасьев-Чужбинский!¹ Просто не знаешь, что делать; выступишь рукопись, а потом и маешься.

Ваш Вечный Муж, конечно, лучше всего явившегося в нынешнем году; мы продолжаем слышать со всех сторон похвалы. Вам еще рано и* думать об забастовке. Вспомните Сервантеса, Вольтера — отчего же не писать до глубокой старости? Не верьте, пожалуйста, теории прогресса. Действительный прогресс совершается очень медленно и, что, например, ясно на науках. А если взять еще поглубже, то можно вовсе усомниться в прогрессе. Спустя 45 лет после Бориса Годунова Пушкина, А. Толстой² написал Царя Бориса — но вышел не прогресс, а глубочайшее падение. Так тоже и Ваш Мертвый Дом и Преступление и Наказание переживут как образец** легко какие-нибудь повествования, хотя над этими произведениями и подсмеиваются (именно над Пр. и Нак.) Отч. Записки (я недавно прочел во 2-й книжке); прогрессивного же Щедрина скоро перестанут читать, да и теперь напр. я (каков авторитет!) уже не могу никак себя принудить его читать.³ Некрасова я однако внимательно и усердно читаю.

В майскую книжку я изготовил статью о существовании души; статьи о Герцене,⁴ которых будет еще минимум две — отлагаю до осени; нужно почитать и подумать.

Пока — простите Федор Михайлович. Анне Григорьевне мое усердное почтение.

Вам преданный

1870 г. 6 Мая.

Н. Стр а х о в.

XV

⟨Петербург, 4 июня 1870 г.⟩

Деньги есть у Кашпиревых, многоуважаемый Федор Михайлович, и большие деньги; но отвратительный беспорядок, с которым они ведут свои дела, портит все и уменьшает цену этого имущества. Они обещают выслать Вам двести или триста рублей, но когда это будет, невозможно определить не только мне, но и людям более умным и проныцательным.

Что делать! Если человек не может совладать с собою, то как он совладает с другими? Никогда еще мне не приходилось выдерживать такой упорной борьбы, которую по своей глупости и запальчивости я притом не умею вести толково и ровно.

Впрочем дело понемножку подвигается, но я каждую минуту опасаясь, что наступят беспорядки.

Через недельку вероятно получите. Вот уже три недели как приостановлены все платежи. И люди богатые допускают такое беспокойство себе и другим, столько лжи, столько сплетней!

Тороплюсь послать к Вам эти вести и жалобы, и потому не успею отвечать Вам на Ваше письмо. Замечу одно: Вы преувеличили похвалу¹ «Зари» профессору Градо-вскому; там сказано, что статьи его до того хороши, что в одном случае оказалось даже лучше Моск. Вед. Такая похвала есть вместе признание, что Моск. Вед. всегда первенствуют.

Что до философии,² я сам желал бы ответа, но не надеюсь — они отвечают своим московским, а я не их прихода. Или ругнут мимоходом или промолчат.

* Над строкой.

** «как образец!» над строкой.

Помните ли Вы время, когда Пяецеев был нашим п е р в ы м поетом? Так и я теперь первый критик.

Впрочем . . . как бы хорошо было потелжовать с Вами. Одно я знаю — я способен был разбить всех их в е р о ю в свое дело; но вера без дел . . . нет, лучше замолчу.

Мое душевное почтение Анне Григорьевне и остаюсь

Ваш

1870. 4 Июня.

Н. Стр а х о в.

XVI

⟨Петербург, 12 сентября 1870 г.⟩

Очень огорчило нас, многоуважаемый Федор Михайлович, Ваше последнее¹ письмо к Капширеву. Зная Вас, я легко вообразил и Ваше нездоровье, и Ваши затруднения в работах и денежное расстройство. Да и «Зари» жалко. Теперь мы не знаем, с чего начать следующий год, и ищем — ищем. Василий Владимирович (он уехал на неделю в Москву) просил меня быть посредником и передать Вам усердную просьбу о повести, которую Вы обещали. Мы надеемся, что Вы дадите нам возможность украсить ею первый номер, который выйдет непременно в первых числах.

Получить от Вас назад деньги, разумеется, и в голову не приходило Капширеву; он только принялся хлопотать о том, чем бы заместить Ваш роман.

Я очень виноват перед Вами, что не отвечал на Ваше последнее письмо. Но тут случилась передрыга, вследствие которой и деньги Ваши запоздали, и книжки стали опаздывать. Кажется, теперь все миновало. А между тем мне захотелось дать себе маленькую гулянку и я съездил в Петрозаводск! Я очень доволен поездкою. Видел образчик того огромного северного края, который тянется от Финляндии до Уральских гор. О нем много и недурно рассказывал мне Ф. Берг, называющий его с о с н о в о ю Р у с с ю. Видел еще Кивач — водопад Державина. Чудо как хороши!

А в Дрезден меня очень потянуло,² даже прежде, чем Вы написали мне этот план. Одна беда — денег не было и не могло быть.

Целый август я возился — писал о Полонском,³ и уже не знаю, вышло ли что-нибудь от этих трудов, но редко мне статьи давались с таким усилием.

Что сказать Вам о «Заре»? Много впереди хорошего, все условия для успешного издания журнала — и мы будем виноваты, если уроним. Впрочем никаких важных опасений нет.

Наконец дошли до меня и кой-какие весьма восторженные отзывы о моих статьях, которые показали мне, что я имею резкий успех, хотя конечно не в большой массе. В журналах меня называют поврежденным, съумасшедшим, лунатиком, но наплась очевидно публика, бывшая другого мнения. Воюю предаваться самолюбию, но чувствую, что без этого возбуждения ничего не сделаешь. Авось будут бранить и этим поддержат во мне раздражение.

А что Вы? С какою радостью я прочитал и потом рассказывал всем и каждому Ваше мнение⁴ о «Вестнике Ивронь»! Тут им бредят, сделавшись модным необходимым журналом, а ведь в сущности Вы совершенно правы, и у нас только недоставало смелости громко заявить суждение, подобное Вашему.

Я так Вам благодарен за Ваши письма, что считаю свое молчание большим грехом не только против Вас, но и против себя. Не будьте злопамятны, Федор Михайлович, и простите

1870, 12 Сент.

СПб.

Вашего преданного

Н. Стр а х о в.

XVII

⟨Петербург, 23 ноября 1870 г.⟩

Простите, многоуважаемый Федор Михайлович, что так поздно отвечаю Вам. Я думал отвечать тотчас, но хлопоты при последних книжках (самое трудное время) завертели меня с такою силою, что только теперь я выбрал время. Радуюсь по крайней мере, что хлопоты даром: все устроил и год кончается благополучно. Что-то будет? Подписка уже началась.

На Ноябрь я не успел написать и статьи, но на Декабрь уже готова, и вот я к Вашим услугам.

Одно у нас плохо: на следующий год мы едва ли блеснем беллетристикой в первых книжках. Кохановская прислала маленькую комедию; есть также маленькая комедия Чаева; вот и все, что у нас в руках. Я жду с минуты на минуту, что явится какое-нибудь предложение. Ни Кохановской, ни Чаева я еще не читал.

Остается манить публику обещаниями. Мы обещаем Толстого и очень бы хотели обещать Вас. Будьте добры, бесценный Федор Михайлович, напишите в какой форме можно Вас обещать? Нельзя ли заглавие? То-то было бы хорошо.

Можно бы обещать Писемского и Ключникова, но, право, это едва ли привлечет и чуть ли не испугает. Осрамялись они в 1869 году, и повредили таки «Заре».

С нетерпением буду ждать Ваших отзывов о последних книжках. Что скажете о моем «Вздохе»?¹ Здесь одним очень понравился, другие ругаются и даже один сотрудник, Ор. Миллер, отказался участвовать.

Авсеенко² — даровитый и обещающий человек. Он пишет у нас политическое обозрение, которое хвалят. Его роман² — дурной школы, тургеневской; но талант и ум есть, хотя в частях он мне сильно не нравится; любовные сцены и природа — впадают в напыщенность и реторику, самую наивную. Да и расположен дурно.

«Король Лир»³ Тургенева произвел довольно сильное впечатление, хотя, несмотря на всю эффектность — многих совершенно оттолкнула брезгливость тона и вялость рассказа. Как боязлив стал Тургенев! У него очевидно бродят разные мысли насчет русской жизни, — но он не решается их прямо и ясно высказывать, и все рассказывает странные истории и курьезные случаи, будто бы не имеющие д а л ь н е й ш е г о значения.

Говорят он до сих пор горько жалуется на судьбу, что повредил прогрессу своими Отцами и Детьми. Поделом вору и мука! Он изображает собою фальшивое положение человека, который имея тонкость и поэтическое чутье — пристал к партии глупой и лишенной истинной жизни.

Ваше сравнение в письме к А. Н. Майкову, что нигилисты⁴ — свиньи, в которых вселились бесы, обладавшие Россиею — прелесть! И я также верю, что они погибнут и что их явление полезно для нашего развития. Чем больше живу, тем яснее убеждаюсь, что все у нас страшно молодо-зелено; все так свежо, так не установилось, так полно порываний и колебаний, — что это истинно юный, даже отроческий и почти детский народ. Меня это очень утешает — нигде я не вижу никакого признака дряхлости, усталости, истощения. Много безобразий, но мы непременно от них отделаемся.

Пока — прощайте, Федор Михайлович! Теперь мне остается еще один труд — изготовить одну или две статьи для первой книжки на 1871 г. и тогда я кажется могу отдохнуть и сказать: я сделал в 1870 году все, что мог — больше нехватило моих сил. Если теперь выйдет плохо, если подписка будет не велика, ну — тогда уж по крайней мере не я виноват!

Очень решительная и признаюсь очень интересная для меня минута!

Пожалуйста, Федор Михайлович, напишите подробно, как и в каком виде, к каким срокам «Заря» может обещать Вас.

Ваш душевно преданный

Н. Стр а х о в.

Р. С. Анне Григорьевне мое усердное почтение.

1870, 23 Ноября
СПб.

XVIII

⟨Петербург, 22 февраля 1871 г.⟩

Когда я объявил, многоуважаемый Федор Михайлович, что Вы не получили «Зари», то мне сказали, что книжка давно отослана.

Вероятно соврали, потому что такого бешенства лжи, какое господствует в нашей редакции, я еще не видывал. Но вероятно Вам тотчас же отправят книжку.

Все, Федор Михайлович, вытекает из одного источника: из того, что у нас плохая подписка и едва ли Заря долго проживет. От этого усилился беспорядок, от этого я не писал к Вам, от этого Вы справедливо были недовольны и мною и редакцією . . . словом все от этого.

Я же перед Вами не виноват¹ внутренно. Прочтете мою статью — Взгляд,² Вы увидите, что она написана на Ваши мысли. Во второй статье, о Тургеневе, я тоже упомянул³ Вас с честью по крайнему моему разумению.

А что до горечи, то я Вам сочувствую; представьте, что в Заре у меня отняли занятия по редакции, отняли жалование, и мало того — находят, что я слишком много беру (75 р. за лист) и слишком много пишу. Поэтому намерены помешать меня через кн и ж к у, а может быть и совсем прогонят. В настоящую минуту мне почти формально объявлено, что в Марте и в Апреле — мне нет места.

Вот какие дела! Все долго рассказывать. Скажу одно — публика очевидно не сочувствует Заре; журнал сразу попал в дурную славу, сразу стал непопулярным, претящим общему вкусу. Если бы он имел блестящие внешние достоинства, был полон, разнообразен, выходил аккуратно — то можно было бы поправить дело. Но в Заре все соединилось для неудачи, а в том числе, пожалуй, и я. Знаете ли, что за мной прочно утвердилась слава писателя туманного, непонятного, неудобочитаемого? Даже люди расположенные ко мне спрашивали иногда меня: зачем, для кого я пишу свои статьи? И что я хочу сказать? Что они значат?

Теперь обращаюсь к Вашим упрекам и скажу, что могу, в свое оправдание.

1) Намека Писемского — я не заметил и до сих пор не знаю, где он. Писемский — свинья, и будет мне случай, — я его изругаю властью, с заскоком как говаривал покойный Ап. Григорьев.

Теперь ему дали хорошие деньги в Веседе⁴ — нужно же такое счастье наименее симпатичному из наших беллетристов!

2) О малом успехе Времени. Я это место выправлял; не понимаю, как я пропустил, не сделал оговорки. Вероятно меня помпирало то, что тут говорится разом о многих журналах.

3) О «роковом вопросе». Вы правы в вашем толковании, но оно <не совс> слишком точно, и я не догадался об этом смысле слов Константинова. Божусь Вам, упреки в бестактности я принял на себя, так как статью свою я все таки считаю не глупою, но бестактно написанною и не во время напечатанною. Недавно в Спб. Вед. и меня⁵ упрекали в отсутствии гражданского достоинства, что я каялся перед Катковым и пр.

Все это очень грустно, и все зависит от того, что «Заря» не имеет успеха.

Не будь я в таких страшных хлопотах в последние месяцы, будь я бодрее, — сочинил бы я примечание от редакции, и вообще не сделал бы оплошности, совершенно справедливо Вами замеченной.

В который раз я вижу, что дело нужно начинать снова! Плохой я практический деятель, плохой журналист — я слишком неповоротлив и задним умом крепок. Но есть и помимо этого и другого подобного какая-то судьба, которая нас преследует. Все чаще и чаще мне приходит на мысль — писать воспоминания, хотя бы для того, чтобы спасти честь (или способствовать спасению) таких людей, как Вы, Ап. Григорьев, Эдельсон и проч. Люди благороднейшие, рыцарски-честные иногда подвергаются в нашей поганой литературе упрекам в каком-то искании выгод, в неискренности, в подлости. Составились предрассудки, укоренилась ложь, а мы бессильны и ничего не делаем.

Относительно Вас я не слышал однако же того упрека,⁶ о котором Вы упоминаете, что Вы разорили, отвлекли от фабрики к журналу. Все, что я слышал, состояло в том, что для объяснения долгов Мих. Михайловича, упоминали о времени Вашей ссылки, когда он вероятно не мало помогал Вам и т. д. Словом ничего дурного ни для Вас, ни для него. Всего не скажешь, но если увидимся, будет нам с Вами о чем побеседовать.

Роман Ваш⁷ читается с жадностью; успех уже есть, хотя не из самых больших. Следующие части вероятно подымут и до самого большого. Степан Трофимыч —

прелесть. Я нахожу, что тон рассказа не везде выдерживается; но первые страницы, где взят этот тон — очарование.

Ваше письмо пришло сюда 15 февраля, но я нынче редко выдаюсь с редакцией, а она не догадалась прислать мне. Адрес мой тот же: Кругл. Рын. д. Тура.

Все, что я сказал Вам о положении З а р и и о себе — не рассказывайте никому, Федор Михайлович. Не хочется мне вредить журналу.

Пока прощайте. Вы не пишете ничего о своем здоровье и об Вашей семье. Анне Григорьевне — усердное почтение. Я кажется здоровее с каждым месяцем и года через два авось стану совсем молодцом.

1871 г.
22 Февр.
СПб.

Ваш преданнейший
Н. Страхов.

XIX

Подждал¹ я, многоуважаемый Федор Михайлович, третьей части «Бесов», чтобы написать Вам о них: и очень огорчен, что не дождался. Во второй части чудесные вещи, стоящие на ряду с лучшим, что Вы писали. Нигилист Кириллов — удивительно глубок и ярок. Рассказ сумасшедшей, сцена в церкви и даже маленькая сценка с Кармазиновым — все это самые верхи художества. Но впечатление в публике до сих пор очень смутное; она не видит цели рассказа и теряется во множестве лиц и эпизодов, которых связь ей не ясна. Простите, что пишу Вам эти неблагоприятные суждения. Мне даже приходило в голову предложить Вам советы, и я не могу воздержаться от этой глупости, которую прошу Вас принять как выражение величайшего моего интереса к Вашей деятельности.

Очевидно — по содержанию, по обилию и разнообразию идей Вы у нас первый человек и сам Толстой сравнительно с Вами однообразен. Этому не противоречит то, что на всем Вашем лежит особенный и резкий колорит.

Но очевидно же: Вы пишете большею частью для избранной публики, и Вы, загромождае² Ваши произведения, слишком их усложняете. Если бы ткань Ваших рассказов была проще, они бы действовали сильнее. Например «Игрок», «Вечный муж» произвели самое ясное впечатление, а все что Вы вложили в «Идиота» пропало даром. Этот недостаток, разумеется, находится в связи с Вашими достоинствами. Ловкий француз или немец, имей он десятую долю Вашего содержания, прославился бы на оба полушария и вошел бы первостепенным светилом в Историю Всемирной Литературы. И весь секрет, мне кажется, состоит в том, чтобы ослабить творчество, понизить тонкость анализа, вместо двадцати образов и сотни сцен остановиться на одном образе и десятке сцен. Простите, Федор Михайлович, но мне все кажется, что Вы до сих пор не управляете Вашим талантом, не приспособляете его к наибольшему действию на публику. Чувствую, что касаюсь великой тайны, что предлагаю Вам нелепейший совет — перестать быть самим собою, перестать быть Достоевским. Но я думаю, что в этой форме Вы все таки поймете мою мысль.

Теперь немножко и о себе. Я рад отдохнуть от работы, и Вы, кажется, приписываете мне и больше надобности, чем это есть в самом деле. Я добыл переводы и буду ими жить. Писать — отпала охота. Из за чего? Для дела, для литературы — не спешить может быть лучше, а для «Зари» я ничего не могу сделать; мои старания ни к чему не ведут. Я знаю, что меня читают — литераторы; но публика не читает, и мои статьи ее отталкивают. Из за чего же я буду натуживаться? Особенно когда и редакция показывает, что может обойтись без меня?

Кстати, спасибо Вам за отзыв³ о моем «Вздохе»; я эту статейку очень ценю сам. Пожалуй я лучше ничего и не писал.

Нынешнее лето я думаю провести в Киеве. Так случилось, что там будут у меня и знакомые и даже родные. Но до Июня, конечно, останусь в Петербурге, и даже в том же доме Тура, который еще не собрался покинуть хотя квартира теперь дорога не по доходу. Надеюсь с Вами увидеться еще весною; я сберег секрет и никому не говорил, что жду Вас.

Вы советуете приняться за большое сочинение; трудно это, когда проживаешь все, что получаешь. Но если и примусь, то конечно не по литературе, а по фило-софии. Очень меня тянет к отвлеченным вещам и чувствую, что слишком мало у меня живости и тонкости чтобы работать над художественными вопросами.

Но лучше замолчать, чтобы не впасть в слишком мрачный тон.

Пришлю скоро Вам свои брошюры (из статей, которые Вам впрочем известны).

Пока простите. Душевно желаю Вам и Анне Григорьевне всего лучшего. Чудесно будет повидаться с Вами. В Киеве пробуду месяца полтора или два, и в половине Августа уже без сомнения буду в Петербурге. Впрочем я напишу Вам подробно, как скоро планы совершенно определятся. А от Вас тоже буду ждать положительных вестей.

Душевно преданный Вам

1871 г. 12 Апр.

Н. Стр а х о в.

XX

⟨Петербург, 4 мая 1871 г.⟩

За что Вы так браните Белинского,¹ многоуважаемый Федор Михайлович? Он был весьма небольших размеров человек, но талантливый, искренний, прямой.

Да, слава в прихотях вольна. . .

Но нам уж то чело священно
Над коим вспыхнул сей язык.

Конечно очень грустно то уродливое развитие, которое мы переживаем. Едва ли не прав Данилевский, что поправить нас может только борьба с Европою, море крови, всяческие битвы и потрясения. Мне иногда кажется, что самые светлые умы подверглись заразе. Обожание прогресса, чрезмерное уважение к уму, к знанию, весь склад, все привычки мысли — как Вы все это вырвете и очистите? Чувствуя, что Запад падает, мы однако же едва ли понимаем, где корень этого падения. Римляне когда-то жаловались, что вся беда от греков. Но наше положение хуже, потому что до сих пор нельзя даже утвердительно сказать, что Россия не есть

Большой расслабленный колосс.

А Рим был несомненно здоровым колоссом и никому и показаться не мог расслабленным.

С большим нетерпением жду я выхода 3-го тома Хомякова² (Записки о Всеобщ. Истории). Вышла какая-то глупость: в газетах объявили об этой книге, а ни одного экземпляра достать нельзя. Примусь серьезно изучать его взгляды на историю; что-то он хотел сказать?

Получили ли Вы «Зарю»? Меня уверяют, что давно и исправно посылается к Вам. Но так как Вы ни слова не говорите о книжках этого года, то я до сих пор в сомнении, и прошу Вашего положительного ответа. А прочтете мои статьи — непременно скажите что-нибудь, хоть ругните.

Благодарю Вас очень за теплое участие к моей литературной участи, за Ваши советы и предложения. Но как Вы хотите, чтобы я писал, когда в «Заре» моих статей — не то что избегают, а не принимают просто и безусловно? У меня разом пропала охота, когда мне дали почувствовать, чтобы я меньше писал. В другой журнал? Но такой переход очень труден, я избалован, привык сам выбирать темы, привык быть дома, а не в гостях там, где пишу. И из-за чего же я буду натуживаться, когда никто не просит? Я работал для З а р и; теперь пожалуй стану работать для л и т е р а т у р ы. Но в таком случае лучше собраться с силами и написать что-нибудь дельное, чем тратить на ежемесечное писание. В четырнадцать месяцев я написал около дв а д ц а т и п я т и листов — для меня это очень много. Это было большое усилие с моей стороны. Но теперь оказывается, что требуется не усилие, а дело. Посмотрим подумаем.

Вы говорите, что я слишком скоро падаю духом. Но припомните — пал С в е т о ч,³ закрыто было В р е м я, пала Э п о х а, пала Б и б л и о т е к а д л я Ч т е н и я,

выскользнули из рук Отечественные записки, не удалась Заря — неужели это благоприятные условия для писателя журнальных статей? Впрочем Вы имеете право упрекать других в недостатке энергии, потому что сами Вы, конечно, сделали больше всякого — я разумею Вашу деятельность после Эпохи, после жестокого удара, с которым, конечно, не могут равняться удары перенесенные другими.

Очень бы хотелось получить от Вас еще несколько строк до отъезда. Ваши письма мне безмерно приятны; очень рад если хоть сколько-нибудь угождаю * Вам своими.

Расскажу Вам про Тургенева. 16-го Февраля, во Вторник я кончил статью об нем и пошел обедать к Майкову, по обыкновению. На Невском вижу на встречу идет Тургенев. Выл легкий мороз, день солнечный, и Тургенев мне показался помолодевшим и поздоровевшим. Обрадовался я совершенно неизвестно чему, и подходя поклонился самым вежливым образом. Но у Тургенева что-то блеснуло: он как будто не узнал, лицо стало презрительно-гневым и он холодно отдал мне небольшой поклон. Дня через два заходит ко мне Полонский и рассказывает: «А у меня был вчера Тургенев». — Кто же еще был? — «Да Златковский⁴ и Покровский⁵ — больше никого. Я хотел Вас позвать, и говорил Тургеневу, сказал, что Вы о нем пишете. Но он — представьте — слышать не хотел, уверял, что никто еще не оскорблял его так, как Вы, что Вы назвали его з л о з ы ч н о й б а б о й и пр., что Вы говорили не о его таланте, а о нем, как о человеке. Наотрез отказался Вас видеть». Полонский сплетник, и конечно совершенно добродушный. Но я был рад, услышав, что мои слова дошли по адресу. Малодушие Тургенева для меня столь очевидно, что я не каюсь в своих выражениях. Отчасти я мстил и за Вас (об Вас у него две строчки в «Воспоминаниях»⁶) и как видите отомстил.

Какая позорная трусость! Какое отсутствие всякой веры! Я слышал потом, что он ужасно подличал перед молодыми людьми, заискивал у молодого поколения.

Есть тут один умный человек, В. В. Григорьев,⁷ «биограф-ориенталист» (помните статью Кавелина в защиту Грановского?). От него одного я услышал мысль, которая часто приходила мне в голову. Он говорил: «Во всем виноваты старики, а не молодежь. Старики трусят, не знают чего им держаться, подличают перед юношами . . .»

Что Вы скажете о французских событиях?⁸

У нас по обычаю явилось много ярых приверженцев коммуны. Сколько я ни спрашивал ничего не понимаю. Сегодня мне показывали письмо Сарсе,⁹ драматурга, занимавшегося почти одним искусством. Он говорит, что в настоящую минуту он на 45 году жизни все бросил, увлечен вполне вопросом Парижского восстания, изменил все свои занятия. Как думаете? Не начинается ли новая эра? Не заря ли будущего дня? Излечится ли когда-нибудь Европа от этих суеверных ожиданий? Или ей суждено вечно рваться в ожидании неведомого будущего, вечно истощаться, чувствуя, что чего-то недостает в ее настоящей жизни, а чего — неизвестно.

Отважное племя Яфета останется темным до конца. Будем ли мы счастливее?

Но я заболтался. Когда увидимся, Федор Михайлович, может быть воротятся хоть в малой доле те бесконечные разговоры, которые когда-то мы вели с Вами. Я поеду в первых числах Июня, по крайней мере так предполагаю. Но нынче время скоро идет, нетолько осень, но и смерть вовсе не так далеко, как было когда-то. Душевно желаю Вам всего лучшего. Анне Григорьевне усердный поклон.

1871 г.
4 Мая
СПб.

Ваш преданнейший
Н. Стр а х о в.

XXI

Так помещицья¹ литература? Какое жестокое и важное слово Федор Михайлович! «Война и Мир» оканчивается обращением к народу, к Каратаеву; это должно совершенно согласоваться с Вашей мыслью. Я только дивлюсь и недоумеваю — неужели у нас так глубоко разделение сословий (внутреннее), что возможны разные литературы или периоды? Родоначальник однако мужик — Ломоносов.

Но в самом деле есть какие-то странные различия. Например, семинаристы, из которых и я вполне, до того особенны (я их лучше понимаю, чем других), что

* Читаем приблизительно.

кажется во веки веков не сотрется эта печать дара духа святого (как говорил в насмешку Герцен). Купцы у Островского, даже у Бабикова² (несчастный совсем пропал от пьянства) до того своеобразны, что составляют тоже несливающуюся струю.

А что же Вы забыли Кольцова, Некрасова (великого... , но поэта)? А Ваш «Мертвый дом»? Это ли не н а р о д н а я литература? Значит, она во всяком случае сказалась уже, хотя ей может быть и предстоит большое развитие.

А я (по моему упорному консервативному настроению, которое даже пугает меня своею силою), готов всюду видеть тот же русский дух, бог знает еще откуда начавшийся и проявляющий себя только в разных формах, но одинаково в сущности. Зачаточный период нашей литературы (от Ломоносова до Пушкина — не включая) мне кажется уже содержит многое, почти все существенные черты.

Какая жалость, что мне приходится уезжать. Но так расположились все обстоятельства. А если встретимся, то может быть в самом деле возобновятся те бесконечные разговоры, которых конечно мне не довелось и не доведется вести в таком количестве и с такой живостью как с Вами.

О Вашем романе, прочитавши третью часть, я скажу Вам то же, что и прежде говорил. Крутом я слышу ожесточенные споры — одни читают с величайшей жадностью, другие недоумевают.

8 Июня.

Начинаю снова письмо, чтобы проститься с Вами. Очень тороплюсь и хлопот такая бездна (по особой причине), что просто беда. И так извините мою усталость, мое неумение писать письма, и — до свидания! Квартирю я бросаю. Приедете в Петербург, найдете Майкова, а я когда вернусь, через него тотчас отыщу Вас. От души желаю Вам всякого успеха в делах и здоровья, а про себя скажу, что право я не так уж падаю духом: и я толстею и здороваю и даже гораздо спокойнее и веселее прежнего.

Усердное, душевное спасибо Вам за переписку! Говорю это в той надежде, что теперь уже придется разговаривать. До свиданья, до свиданья! Анне Григорьевне усерднейший поклон!

Ваш Н. Стр а х о в.

XXII

⟨Петербург, 21 марта 1875 г.⟩

Простите, Федор Михайлович, что так дурно держу слово, — давно пора бы Вам написать. Но у меня вдруг составился план — уехать на два месяца в Италию, то есть на срок даваемый ежегодно библиотекарям.¹ Я еду после завтра, и нужно было очень хлопотать, для того чтобы все уладить и ни перед кем не быть подлеем.

Это одна причина; а другая, — которую я Вам говорил, — что я очень долго прихожу к какому-нибудь суждению. Первое, что нужно Вам сказать, Впрочем очень просто. Ваша вторая часть² имела большой успех, читалась как нельзя усерднее. Эпизод повесившейся девушки удивительно хорош и вызвал всеобщие похвалы. Конец этой части наконец открывает взаимное положение лиц, обрисовывает и Версилова и Подростка. Это разъяснение действует на читателя очень приятно, и сильно заинтересовывает. Смешение в Подростке добра и зла и даже доброты и злобы — очень живая черта и глубокий предмет. Разговор с сестрою — тепло и молодо. Подросток теперь мне ясен, но о Версиллове сказать того же не могу. Если позволите еще замечание, которое может быть происходит от моего тупого понимания, — предыдущие сцены, то есть первая часть и начало второй не достаточно д о г а д о ч н ы, то есть читатель никак не может сам догадаться об отношениях лиц; Подросток там дает полную волю своим злобным чувствам, и читатель не догадывается о подкладке. Может быть, говорю я, виновато в этом мое тупое понимание. Но тема у Вас взята великолепная и все ждуть чудес от ее развития, по крайней мере я жду, публика же несомненно покорена, то есть будет уже следить за Вами с жадностью.

Так-то я сужу и ряжу об Вас — по старой еще привычке выступать со своим голосом в литературных делах. Но понемногу я уже чувствую, что это в некотором смысле неприличная роль, что мне следует вести себя скромнее, как ведут себя вообще приличные люди, которые даже не хвалят, чтобы не показать претензий на роль судьбы.

Я больше и больше становлюсь заштатным литератором и отвыкаю от прежних вкусов и привычек. Впрочем послал недавно Каткову две статьи, одну по литературе, другую по философии. Не знаю, что будет, но очень хотел бы их видеть в печати; трудился усердно, и вложил часть души, но, правда — изложение сильно грешит. Не пишется мне, и я почти пришел к убеждению, что способен писать только наскоро, когда типография ждет и чувствуешь в себе волнение торопливости.

Что сказать Вам о Петербурге? Приехал Данилевский (Н. Я.), но следом за ним приехал Адольф Иванович Добрянский,³ русский из Венгрии, человек лет 72, бодрый, свежий, умный, добрый, удивительно понимающий политику и любящий Россию с такою тонкостью и нежностью, как почти никто из нас. Я не мог налюбоваться и наслушаться, а говорит он и скопаяемым русским языком, как будто порченным, но совершенно понятным, и нас понимает. Давали ему обеды и ужины, и все чувствовали необыкновенную радость от этого старика. Он уехал в Москву, в Киев, и через Одессу вернется домой. Он в первый раз в России, но думал об ней больше полстолетия.

Тороплюсь, и кончаю письмо.

Желаю Вам от души и всякого успеха и наилучшего здоровья. Анне Григорьевне мое усердное почтение.

1875 г. 21 Марта,
СПб.

Ваш душевно преданный Н. Стр а х о в.

Аполлон Николаевич просил Вам кланяться. Он читает Вас преусердно, и толкует сыгү смысл Вашего романа.

К. Н. Леонтьев стоит в Hôtel d'Angleterre — на Вознесенском Проспекте против самого Исакия.

Ваш Н. Стр а х о в.

Кстати — вот еще письмо Н. Я. Данилевского в коллекцию Анны Григорьевны. Не знаю, угодил ли ей, но очень старался.

*

I

¹ Майков, Аполлон Николаевич, поэт, друг и единомышленник Достоевского еще с 1840-х годов. О нем см. т. I писем Достоевского под моей редакцией, стр. 519—520.

² Разговор с Лавровым, Петром Лавровичем (о нем см. выше во вступительном очерке) — в связи со статьей Страхова «Роковой вопрос» (по поводу польского восстания), из-за которой в мае 1863 г. был закрыт журнал Достоевских «Время». Подробно о причинах закрытия журнала в книге Страхова «Материалы к биографии Достоевского», 1883, стр. 245—258.

³ Григорьев, Аполлон Александрович, критик и поэт (о нем см. выше во вступительном очерке). «Дурацкое положение при Стелловском» — имеется в виду, по всей вероятности, эпизод с поездкой Григорьева (в марте 1863 г.) в Москву, где он запил и растратил деньги, выданные ему, редактировавшему тогда еженедельник «Якорь», издателем Ф. Стелловским (см. В. Княжнин, «Материалы для биографии Ап. Григорьева», 1917, стр. 350).

⁴ Серов, Александр Николаевич, известный композитор и музыкальный критик, был хорошо знаком с Достоевским, помещал в его журналах статьи по современной музыке.

⁵ Берг, Федор Николаевич, в первой половине 60-х годов сотрудник «Современника» (стихи и проза).

⁶ Полонский, Яков Петрович, поэт; об его отношениях с Достоевским, начавшихся в связи с сотрудничеством во «Времени» и «Эпохе» и продолжавшихся до самой смерти, см. т. I писем Достоевского, стр. 550—551.

⁷ Бибинов, Петр Алексеевич, публицист и переводчик, сотрудник журналов Достоевского; о нем см. т. I писем, стр. 567—568.

II

Предыдущее письмо не было, очевидно, закончено; таким образом настоящее, от 18 сентября, является как бы его продолжением. В промежутке Страхов, должно быть, виделся с братом Достоевского — Михаилом Михайловичем и узнал от него, что Федор Михайлович путешествует по Италии. Во время этого свидания, надо думать, произошла у Страхова с Михаилом Михайловичем какая-то размолвка, о чем Страхов и намекает в словах о «ссоре с близкими людьми». Это, по всей вероятности, и есть тот предмет, о котором — как пишет дальше Страхов — «мы никогда с Вами откровенно не говорили» (ср. след. письмо от 29 сентября 1863 г.).

¹ «Статья о новом рассказе Щедрина», под названием «Новый поборник нравственности», напечатана в сентябрьской книжке «Библиотеки для Чтения» за подписью «Н. Нелишко»; рассказ Щедрина «Как кому угодно» оценивается весьма положительно.

² Андрей Александрович Краевский, в «Отечественных Записках» которого Страхов вскоре займет место редактора (до перехода журнала к Некрасову).

³ Евгения Карловна — жена Тиблена, Н. Л.

⁴ «Чернышевский и Писарев попрежнему в крепости». Чернышевский арестован 7 июля 1862 г., Писарев — 3 июля того же года.

⁵ «Ссылные студенты»: 24 сентября 1861 г., из-за студенческих беспорядков, был закрыт Петербургский университет, около 200 студентов арестовано и посажено в Петропавловскую и Кронштадтскую крепости, из них свыше сорока исключены из университета и высланы в разные северные губернии. Целый ряд либерально настроенных профессоров (Спасович, Кавелин, Слассюевич, Утин и др.), в знак сочувствия студентам, подали в отставку. Университет оставался закрытым до сентября 1863 г.

⁶ Мазад, Шарль, — член французской академии. Был одним из главных сотрудников «Revue des deux Mondes», где вел политическую хроника.

III

Письмо это является ответом на письмо Достоевского от 18/30 сентября 1863 г., в котором Достоевский, крайне нуждаясь, просит Страхова содействовать помещению в «Библиотеке для Чтения» Боборыкина задуманной им повести «Игрок» (см. т. I писем, цит. изд., №№ 178, 198, 199, и соответствующие примечания).

¹ «О журнале... ничего еще не решено» — разумеется журнал вместо закрытого «Времени»; разрешение зависело от министра внутренних дел Валуева (см. мою статью «К цензурной истории журналов Достоевского» в сб. II «Достоевский», под моей редакцией, 1925).

² Куно Фишер — известный немецкий историк философии. Первые 4 тома из его 9-томной истории новой философии переведены на русский язык под редакцией Страхова.

³ Долгомостьев и Разин — сотрудники журналов Достоевского (о них см. т. I писем, стр. 566, и т. II, стр. 173, 405).

⁴ Павел Николаевич, — по всей вероятности, брат Страхова.

⁵ «День» — славянофильский орган И. Аксакова.

IV

¹ Поздравление с Соней — с первой дочерью Достоевского (родилась 21 февраля 1868 г., умерла 12 мая того же года).

² «Дела в журнале» — разумеется, в «Отечественных Записках» Краевского, которые Страхов редактировал до их передачи (с 1868 г.) Некрасову и Салтыкову. Об этой передаче Страхов дальше и пишет, приводя свое письмо к Каткову.

³ Эдельсон, Евгений Николаевич, — критик, друг и единомышленник Ап. Григорьева.

⁴ Карпов, Василий Николаевич, — профессор по кафедре философии Петербургской духовной академии.

⁵ Филиппов, Николай Николаевич, и Бени, Артур Иванович, — сотрудники журналов Достоевского.

⁶ Крестовский, Всеволод Владимирович, — известный беллетрист и поэт, автор «Петербургских трущоб».

⁷ Стебницкий: Лесков, Николай Семенович.

⁸ Зарин, Ефим Федорович, публицист, в 60-х годах под псевдонимом Incognito вел в «Отечественных Записках» полемику с Чернышевским, Добролюбовым и Писаревым.

⁹ Аверкиев, Дмитрий Васильевич, — драматург; об его отношениях с Достоевским см. т. I писем, стр. 569.

¹⁰ «Журнал „Отечественные Записки“ обратился в кафедру сви ст у н о в и н и г и л и с т о в» — так называл Страхов, еще в начале 60-х годов, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Салтыкова, Некрасова и других сотрудников «Современника» и «Русского Слова».

¹¹ Статьи о Толстом, по тому же плану, по которому они здесь намечены, были напечатаны в 1869 г. в журнале «Заря».

¹² Незеленов, Александр Ильич, — историк литературы, последователь А. Григорьева и Страхова, взгляды которых разделяет в своих работах («А. С. Пушкин в его поэзии», «И. С. Тургенев в его произведениях», «А. Н. Островский в его произведениях» и др.) дешевыми моральными сентенциями реакционного характера.

¹³ Щербальский, Петр Карлович, — см. прим. стр. 346.

¹⁴ Статьи Страхова о Достоевском (в связи с «Преступлением и наказанием») напечатаны в мартовской и апрельской книжках «Отечественных Записок» за 1867 г.; там же, в майской книжке, о «Дыме» Тургенева, в книжке сентябрьской — «Бедность нашей литературы».

¹⁵ Статья Страхова об «Отцах и детях» Тургенева напечатана в апрельской книжке «Времени» за 1862 г.

¹⁶ «Тургенев у нас печатает» — разумеются «Призраки» в 1—2 кн. «Эпохи» за 1864 г.

¹⁷ «Островский теперь сбрендил» — сказывается в этих главах общее мнение реакционного лагеря, обвинявшего Островского в измене: «Предался тушинцам», став постоянным сотрудником «Современника» и, позднее, «Отечественных Записок» Некрасова.

¹⁸ «Некрасов изменник литературы» — Некрасов и Салтыков, как самые яркие представители революционно-демократической литературы, были особенно ненавистны консервативно-реакционному лагерю.

¹⁹ «Приговор Щедрину подписан Вами» — разумеется фельетон Достоевского в майской книжке «Эпохи» 1864 г. «Господин Щедрин или раскол в нигилистах».

²⁰ См. прим., стр. 303.

²¹ «Новые журналы» — разумеются радикально-демократические «Дело» Благосветлова, начавшее выходить в 1867 г., вместо закрытого правительством «Русского Слова», и «Отечественные Записки», перешедшие в 1868 г. к Некрасову и Салтыкову.

V

¹ «Новый журнал «Заря» начал выходить в 1869 г. под фактической редакцией Страхова. Издавал журнал Кашипов, Василий Владимирович (о нем и об его отношениях с Достоевским см. т. II писем, цит. изд., стр. 429).

² Гильфердинг, Александр Федорович, — известный славист и этнограф, по убеждениям своим славянофил.

³ Данилевский, Николай Яковлевич, — публицист, философ и естествоиспытатель, быв-

ший фурьерист, петрашевец, к этому времени резко поправевший (о нем и его отношениях с Достоевским см. т. II писем, цит. изд., стр. 414—415).

⁴ «Иллюстрация» — разумеется, по всей вероятности, еженедельник «Всемирная Иллюстрация», начавший выходить в 1869 г.

VI

¹ «Поставил его, А. Григорьева, выше Белинского» — во второй статье о «Воине и мире» Толстого, напечатанной в февральской книжке «Зари» 1869 г.

² Градовский, Александр Дмитриевич, — профессор государственного права Петербургского университета (о нем см. т. II писем, цит. изд., стр. 448).

³ Аксаков, Иван Сергеевич, — публицист и славянофил; о нем и его отношениях с Достоевским см. т. I писем, стр. 567.

⁴ Кахановская — псевдоним Надежды Степановны Саханской, известной писательницы славянофильского толка (см. о ней т. II писем, цит. изд., стр. 432).

⁵ Рачинский, по всей вероятности, Сергей Александрович, известный деятель по народному образованию, по своим взглядам религиозно-философского характера примыкавший весьма близко к эпигонам славянофильства.

⁶ Антонович, Максим Алексеевич, — критик «Современника», в 1868 г. вместе с Жуковским, Юлием Галактионовичем, тоже сотрудником «Современника», выступил резко против Некрасова с книжкой под заглавием «Литературное объяснение с Н. А. Некрасовым».

⁷ «Бедность нашей литературы» Страхова вышла отдельной брошюрой в конце 1868 г.

⁸ «Идиот» — роман Достоевского, печатался в «Русском Вестнике» Каткова в течение 1868 г. Обещания своего — «написать об „Идиоте“» — Страхов не исполнил.

⁹ «Новая повесть» Тургенева «Несчастливая» появилась в январской книжке «Русского Вестника» 1869 г. О Тургеневе Страхов напечатал в 1869 г. две статьи: в сентябрьской книжке «Зари» — «За Тургенева», в декабрьской — «Еще за Тургенева».

¹⁰ «Обрыв» Гончарова начал печататься в «Вестнике Европы» с январской книжки 1869 г.

¹¹ Писемский, Алексей Феофилактович (о нем и об его отношениях с Достоевским см. т. I писем, цит. изд., стр. 523) «читал свой роман» «„Люди сороковых годов“», предназначенный для первых книжек «Зари».

¹² Базунов, Александр Федорович, — петербургский книгоиздатель и книгопродавец (о нем и его отношениях с Достоевским см. т. I писем, стр. 558).

VII

Письмо это является ответом на письмо Достоевского от 26 февраля 1869 г., в котором Достоевский предлагает в «Зарю» повесть в 10—15 печатных листов, обещает представить повесть к сентябрю и просит тысячу рублей авансом.

¹ «Цыганы» — роман реакционного беллетриста Ключниковца, Виктора Петровича, автора наделавшего в свое время много шума романа «Марево», направленного против «нигилистов».

VIII

¹ Марья Григорьевна Сватковская, сестра жены Достоевского. О передаче ей 125 р. из аванса за обещанную в «Зарю» повесть Достоевский писал в письме от 11 марта 1869 г.

² «Православие у Данилевского будет» — в ответ на письмо Достоевского от 18 марта, где он выражает опасение, будет ли у Данилевского (в его книге «Россия и Европа», первоначально печатавшейся в «Заре») «указание в полной силе на окончательную сущность русского призвания», начало которого «заключается в нашем родном православии» (см. т. II писем, стр. 181).

³ «Пятый том Толстого» — разумеется, «Войны и мира».

⁴ «Обрыв» — Страхов повторяет здесь отрицательную оценку романа, данную Достоевским в письме от 26 февраля 1869 г. (см. т. II писем, стр. 170).

⁵ «Фрол Скобеев», — драма Аверкиева, напечатана в 3-й книжке «Зари» 1869 г. Восторженный отзыв о ней Достоевского в письме к Страхову от 6 апреля 1869 г. (см. т. II писем, стр. 187).

⁶ «Опять у нас студенческие беспорядки» — «беспорядки» были в университете, в Военно-медицинской академии и в Технологическом институте в течение десяти дней (от 15 до 24 марта); исключено было из университета 38 студентов, подвергнуто разным другим наказаниям 14 (см. «Журнал министерства народного просвещения», т. 142).

IX

¹ «Окраины России» — книга известного славянофила Юрия Федоровича Самарина; первые два выпуска ее вышли в Праге в 1868 г. Самарин выдвигал предложение, в целях борьбы с господствующей в прибалтийском крае немецко-баронской партией, использовать местное крестьянство и городскую мелкую буржуазию, враждебно к ней относящихся.

X

¹ Адрес Владимира Ивановича Веселовского, московского юриста, впоследствии и опекуна Достоевских, понадобился Достоевскому в связи с полученным им от А. Майкова известием о смерти тетки Куманиной, после которой должно было остаться богатое наследство.

XI

¹ Милюков, Александр Петрович, — педагог, историк литературы, мемуарист, в 40-х годах приятель Достоевского и соучастник общества петрашевцев (о нем и его отношениях с Достоевским см. т. I писем, стр. 540—541).

² Эмилия Федоровна, жена Михаила Михайловича Достоевского. В этот заграничный период, постоянно нуждаясь, Достоевский вынужден был сильно сократить ту помощь, которую он оказывал семье брата после его смерти (в июле 1864 г.). На этой почве между ними возникли серьезные недоразумения.

XII

¹ «Ваша повесть» — «Вечный муж», печаталась в 1 и 2 книжках «Зари», 1870 г.

² Чаев, Николай Александрович, — автор драматических хроник из древней русской исто-

рии («Димитрий Самозванец», «Грозный царь Иван Васильевич», «Князь Александр Тверской» и др.). В кн. 3 «Зари», 1870 г., напечатана его «Свекровь — трагедия из времен уделов». Достоевский писал о нем, в письме к брату от 20 марта 1864 г., что он «очень любим славянофилами».

³ Ахшарумов, Николай Дмитриевич, — брат петрашевца Д. Д. Ахшарумова, — писатель небольшого таланта и умеренно-либеральных взглядов. В свое время пользовался заметным успехом его роман «Мудренное дело», печатавшийся в журнале Достоевского «Эпоха» 1864 г. (кн. 5—7). В «Заре», в кн. 2—6 1870 г., помещен его роман «Мандарин».

⁴ Кохановская, из произведений которой наибольшей славой пользовалась повесть «Гайка» (в 4 кн. «Русского Слова» 1860 г.), напечатала в 1-й кн. «Зари» 1871 г. комедию: «Слава богу, что мужик лапоть шпел».

XIII

¹ Статья Страхова «Женский вопрос» (по поводу книги Дж. Стюарта Милля «Подчиненность женщин», вышедшей в 1869 г. в русском переводе в двух изданиях) была напечатана во 2-й кн. «Зари» 1870 г.

² Одобрение статье Страхова о Толстом Достоевский высказал в письме к нему от 26 февраля 1870 г. (см. т. II писем, цит. изд., стр. 254).

³ «Какие же две строчки» — в письме к Страхову от 24 марта Достоевский ответил, что он не согласен со следующими его словами: «Толстой равен всему, что есть в нашей литературе великого; велик тот, кто приходит в литературу с «новым словом»; новое же слово было сказано Пушкиным, а Толстой только развивает это слово».

⁴ «Недостаток самоуверенности» Достоевский видит в том, что Страхов полемизирует с «нигилистами и западниками» слишком уж мягко (см. то же письмо от 24 марта 1870 г.).

⁵ «Будущий роман Достоевского» — разумеется задуманный и было уже начатый им роман «Житие великого грешника», по поводу которого шла его переписка со Страховым, Майковым и своей племянницей С. А. Ивановой в течение почти всей первой половины 1870 г. (см. т. II писем, а также предисловие к I т. писем).

⁶ Чаева роман «Подспудные силы» печатался в «Русском Вестнике», 1870, кн. 2—7. «Свекровь» — в «Заре» 1870, кн. 3.

XIV

¹ Афанасьев-Чужбинский, Александр Степанович, — беллетрист и этнограф; в «Заре» печатались в 1871 г. его «Город Смуров» и первые две части «Петербургских игроков». Талант его беллетристический действительно очень небольшой; в историю он вошел, главным образом, как этнограф.

² Толстой, Алексей Константинович, — поэт и драматург; его «Царь Борис» напечатан в кн. 3 «Вестника Европы» 1870 г.

³ Щедрин печатал в то время в «Отечественных Записках» «Историю одного города».

⁴ Статьи о Герцене Страхов начал печатать с мартовской книжки «Зари», 1870 г. В письме

к Страхову от 24 марта 1870 г. (см. т. II писем, цит. изд., стр. 259). Достоевский отозвался о первой статье, по поводу художественных произведений Герцена, весьма сочувственно.

XV

¹ «Похвалу профессору Градовскому» — в отделе «Из современной хроники» (кн. 5 «Зари» 1870 г.) действительно сказано, что перед статьями «молодого профессора в „Голосе“ об административной реформе бледнеют даже статьи „Московских Ведомостей“ о том же предмете». В письме от 28 мая Достоевский спрашивает иронически: «Кто этот молодой профессор, который. . . совершенно убил Каткова, так что уж его теперь и не читают. Имя этого счастливец. . . ради бога скорее возвестите» (см. т. II писем, цит. изд., стр. 272).

² Философия — разумеется статья Страхова в кн. 5 «Зари» по поводу докторской диссертации Г. Струве «Самостоятельное начало душевных явлений». Страхов отозвался о Струве очень резко, определяя его «спиритуализм» как «подспудный материализм; ответа он мог ждать из «Русского Вестника», где диссертация была напечатана (в № 2 за 1870 г.).

XVI

¹ «Последнее письмо» Достоевского к Кашпиреву (см. т. II писем, цит. изд., стр. 278—280) о том, что проданный в «Зарю» роман «Житие великого грешника» может быть написан только к концу будущего 1871 г., аванс в размере 900 р. он готов возвратить.

² «В Дрезден. . . очень потянуло» — в ответ на приглашение Достоевского (см. т. II писем, цит. изд., стр. 273—275, письмо от 11 июля 1870 г.).

³ Статья Страхова о Полонском появилась в сентябрьской книжке «Зари» 1870 г.

⁴ Мнение Достоевского о «Вестнике Европы» как о «неслыханной посредственности, разве исключая болгаринской „Северной Пчелы“», было высказано в письме к Страхову от 11 июля.

XVII

¹ Статья Страхова «Вздых на гробе Карамзина» напечатанная в октябрьской книжке «Зари», 1870 г., направлена против Пышина, печатавшего тогда в «Вестнике Европы» свои «Очерки общественного движения при Александре I», в которых Карамзин осуждался как реакционер.

² Роман Авсеенко, Василия Григорьевича, «На распутьи» печатался в «Заре», кн. 9—12, 1870 г. Об Авсеенке, как писателе реакционном, и об его отношениях с Достоевским, в одной из статей о «Дневнике писателей» отозвавшимся о нем как о лакействующем романтике, — см. т. II писем, цит. изд., стр. 490—491.

³ «Король Лир» Тургенева напечатан в октябрьской книжке «Вестника Европы», 1870 г.

⁴ Сравнение нигилистов с бесами, т. е. основную идею своего контрреволюционного романа «Бесы» Достоевский изложил в письме к Ан. Майкову от 9 октября 1870 г. (см. т. II писем, стр. 201—202).

⁵ Политика — разумеется франко-прусская война, Достоевского чрезвычайно волновавшая.

XVIII

¹ Письмо это является ответом на письмо Достоевского от 10 февраля 1871 г. Достоевский указывает в нем на следующие факты, якобы свидетельствующие о пренебрежительном отношении к нему редакции «Зари»: 1) в ноябрьской и декабрьской книжках «Зари» за 1870 г. напечатаны две статьи Константинова (К. Леонтьева) под заглавием «Книжность и грамотность», в которых, между прочим, утверждается, что журналы Достоевского «Время» и «Эпоха» не имели успеха, Страхову же должно быть хорошо известно, что успех «Времени» был огромный, почти не уступавший «Современнику» — это раз; во-вторых, Леонтьев утверждает, что «Время» было закрыто не столько из-за статьи Страхова «Роковой вопрос» — «статья написана умно», — а из-за бестактности редакторов, очевидно, политического характера; 2) в романе Писемского «Люди сороковых годов», печатавшемся в «Заре» 1869 г., имеется выпад против художественной манеры Достоевского (в 14-й главе 3-й части главный герой романа отзывается о Достоевском: «талантлив, но скучен»); 3) редакция не посылает ему журнала. На все эти пункты Страхов и отвечает.

² Взгляд на нынешнюю литературу — напечатано в январской книжке «Зари».

³ Вторая статья о Тургеневе, под заглавием «Последние произведения Тургенева», напечатана в февральской книжке «Зари» 1871 г. Достоевский действительно «упомянут в ней с честью», хотя вряд ли очень большой. Говоря о том, что «у нас в русской литературе нет установившихся крепких форм и возрели: у нас все растет, все складывается. . . наши писатели даже не останавливаются в своем развитии, а продолжают делать все новые и новые шаги», — Страхов иллюстрирует эту мысль свою так: «Тургенев вырос безмерно в сравнении с тем, чего ожидал от него Белинский; Лев Толстой поднимался еще правильнее и неуклоннее и выше еще выше. И Достоевский, несмотря на колебания, все еще продолжает подыматься. . . в повести „Вечный муж“ . . . сделал новый шаг в развитии „своих идей“». В сравнении с тем, что говорится о Толстом и даже о Тургеневе, о Достоевском сказано слишком уж скромно.

⁴ «Беседа» — журнал, близкий к славянофильству, — начал выходить в январе 1871 г. Писемский печатал в нем свой роман «В водвороте» (кн. 1—6).

⁵ Упреки в разорении — разумеется, со стороны семьи брата Михаила Михайловича, обвинявшей Достоевского в том, что это год его воздействием была продана табачная фабрика и открыт журнал, приносящий одни убытки (см. т. II писем, цит. изд., стр. 499).

⁶ Роман «Бесы», начал печататься в «Русском вестнике» с январской книжки 1871 г.

XIX

¹ «Поджидал . . . третьей части Бесов» — разумеется, конечно, не третья часть романа в его окончательном виде, а глава пятая первой

части: третий кусок романа в порядке его печатания (1-я и 2-я главы в январской книжке «Русского Вестника» за 1871 г., 3-я и 4-я главы в февральской, 5-я в апрельской).

² «Вы загромождаете Ваши произведения» . . . — указание это сам Достоевский считал чрезвычайно метким и вполне справедливым. В работе над следующими романами (в частности над «Подростком») тратилось им много усилий, чтобы избавиться от этого «коренного недостатка».

³ О статье Страхова «Вдох о Карамзине», напечатанной в октябрьской книжке «Зари» за 1870 г., Достоевский дал отзыв весьма сочувственный в письме от 2 декабря 1870 г. (см. т. II писем, стр. 300).

XX

¹ В письме к Страхову от 23 апреля 1876 г., находясь в апогее своей реакционности, Достоевский писал о Белинском такие позорные в своей невероятной грубости слова: «Смрадный букашка, Белинский именно был немощен и бессилён талантешком, а потому и проклял Россию и принес ей сознательно столько вреда» (см. т. II писем, цит. изд., стр. 157).

² Хомяков, Алексей Степанович, — один из основателей и главный теоретик раннего славянофильства, философ, историк и поэт (о нем см. у Герцена по именному указателю в т. 22 Полного собрания сочинений, ред. Лемке).

³ «Пал Светоч» и т. д. — Страхов перечисляет те журналы, в которых он принимал активное участие: «Светоч» прекратился в 1862 г.; «Время» закрыто цензурой в мае 1863 г.; «Эпоха» приостановилась на мартовской книжке 1865 г.; «Библиотека для Чтения» — в апреле того же года; «Отечественные Записки» Краевский передал Некрасову в 1868 г. «Заря» просуществовала еще с год, прекратившись на № 2 с 1872 г.

⁴ Златковский, возможно, Михаил Леонтьевич, малоизвестный публицист, в 1867 г. под псевдонимом «Михаила Библиомана» выпустивший эту «О женщине первобытной» (о нем см. «Альбом Семейского», стр. 171).

⁵ Покровский, Михаил Павлович, — в начале 60-х годов игравший весьма заметную роль в революционном движении студенческой молодежи, затем сильно поправевший (о нем см. т. IV писем, цит. изд., стр. 376—377).

⁶ «Две строчки в воспоминаниях» — в «Воспоминаниях о Белинском». Тургенев рассказывает о восторженном отношении Белинского к «Бедным людям» Достоевского. Разумеется, Страхов «мстил Тургеневу» за Достоевского не в связи с этими воспоминаниями, а в связи со ссорой между ними в 1867 г. по поводу «Дыма», «потугинских идей» (см. т. II писем, цит. изд., стр. 30—32).

⁷ Григорьев, Василий Васильевич, — известный ориенталист. Профессор Петербургского университета, правых убеждений, близких к славянофильству.

⁸ «Французские события» — разумеется, конечно, Парижская Коммуна; Достоевский ответил на вопрос Страхова в пространном письме от 18 мая 1871 г. (см. т. II писем, цит. изд., стр. 363—364).

⁹ Сарсе, Франциск, известный французский театральный критик, по общественно-политическим своим убеждениям принадлежал к ради-

калам, так что его сочувственное отношение к Парижской Коммуне вовсе не было такой неожиданностью.

XXI

¹ «Так помещичья литература?» — В письме от 18 мая 1871 г. Достоевский так отзываясь о Тургеневе и о Толстом: «А знаете — ведь это все помещичья литература. Она сказала все, что имела сказать (великолепно у Льва Толстого). — Но это в высшей степени помещичье слово было последним».

² Бабинов, Константин Иванович, сотрудник журналов Достоевского «Времени» и «Эпохи», автор романа «Глухая улица» и очерка «Лукавый попутал», в которых тематика несколько сходная с тематикой комедий Островского, особенно ранних.

XXII

Письмо Страхова к Достоевскому, находившемуся тогда в Старой Руссе, свидетельствует о том, что недоразумения, возникшие между ними в связи с «Подростком» (см. т. III писем, цит. изд., стр. 145 и дальше), стали менее острыми.

¹ «Срок, даваемый... библиотекарям» — Страхов служил тогда в Публичной библиотеке.

² «Вторая часть» «Подростка» — не совсем точно: первые главы 2-й части напечатаны в апрельской книжке «Отечественных Записок», и Страхов, конечно, их еще не читал; разумеется же здесь главы 6—10-й части, появившиеся в февральской книжке журнала.

³ Добрянский, Адольф Иванович, — галицкий русский писатель, игравший большую роль в украино-русском движении в Австро-Венгрии.

А. С. Долинин.